ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Письменность
Искусство
Археология

Ежегодник

1986

Издательство „Наука“. Ленинград. 1987

ИЗ ПЕРЕПИСКИ П. А. ПЛЕТНЕВА (1821—1864)

Е. П. Горбенко

Переписка П. А. Плетнева обширна, многогранна, необычайно интересна — в числе его адресатов были лучшие писатели России разных поколений — и богата в плане хронологическом: она дает едва ли не полное представление о русской литературе с начала 20-х до середины 60-х годов XIX в. Однако далеко не все из этого уникального наследия было опубликовано. Пожалуй, более всего «повезло» переписке П. А. Плетнева с Я. К. Гротом, изданной в трех томах под общим заглавием «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым» (СПб., 1896).

Переписка двух виднейших деятелей пушкинской поры — Петра Александровича Плетнева и Петра Андреевича Вяземского — представляет собой важный источник для изучения русской литературы. Она охватывает 44 года (1821—1865). Начавшись в период расцвета пушкинской литературной эпохи, она оканчивается тогда, когда, обремененные прожитыми годами, нерасторжимо спаянные горечью общих утрат, адресат и корреспондент, столь не схожие между собой по складу характера, находили особую, необъяснимую прелесть в обстоятельной откровенной переписке.

Впервые переписка Плетнева и Вяземского была частично опубликована Я. К. Гротом в 3-м томе собрания сочинений Плетнева.[1] В 1897 г. Я. К. Грот поместил 5 писем Вяземского к Плетневу (периода издания «Адольфа») в «Известиях ОРЯС».[2] Письмо Плетнева от 29 июня 1829 г. появилось в «Старине и новизне» (1902, № 5, с. 10—12). И тем не менее до настоящего времени переписка этих двух близких Пушкину и Жуковскому писателей введена в научный оборот далеко не полностью.

В данную публикацию мы включаем подборку писем Плетнева (19) из фондов ЦГАЛИ,[3] письма Плетнева к Жуковскому (4) 1820 и 1851 гг., два письма Плетнева к А. И. Тургеневу и выборочно несколько писем Вяземского из собраний ЦГАЛИ и ИРЛИ.[4]

Плетнев появился в литературных кругах Петербурга в середине 1810-х годов, т. е. сразу после окончания Педагогического института (1814). Однако потребовалось еще десятилетие, чтобы завоевать доверие литераторов пушкинского круга. Но и значительно позже, когда авторитет Плетнева-критика достаточно упрочился, в переписке писателей можно было встретить такие строки: «Вообрази себе, что Плетнев, учитель языка и литературы и корреспондент, пишет письмо ко мне, хотя с чувством о старых наших сношениях, которое меня тронуло, но с грамотностью замоскворецкой дамы. И он — наследник журналиста Пушкина и биограф его!» [5]

Исследователи уже обращали внимание на трудное, медленное врастание Плетнева в литературную среду Петербурга, усугублявшееся тем, что он «ни по рождению, ни по воспитанию, ни по возрасту не принадлежал к пушкинскому литературному кругу».[6] В 1840-е годы Плетнев так вспоминал об этом: «Мне самому странно, какою судьбою я, чуждый всем вам, вброшен был в ваш круг, и, незаметный для вас, я про себя складывал ступени жизни своей из событий, вам принадлежавших» (*3*, 565). Даже дружеские симпатии Пушкина к Плетневу возникают постепенно. В письмах поэта конца 1820-х годов уже можно заметить раскованность в изъявлении чувств, сердечное участие. Но только смерть Дельвига в 1831 г. стала поворотным моментом, окончательно сблизившим Плетнева с Пушкиным.

Иными словами, даже утвердившись в кругу бывших арзамасцев, Плетнев не сумел добиться одинаковой доверенности литераторов. Если отношения с Кюхельбекером и Дельвигом складываются легко и быстро, чему, видимо, способствовало и их раннее общение как членов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, а затем и Вольного общества любителей российской словесности, то на сближение с Пушкиным и особенно с Вяземским потребовались годы.

«Судьба писателей пушкинского круга после гибели Пушкина еще не была предметом пристального изучения. Вероятно, предварительным условием успеха такого труда является обнаружение и опубликование писем, дневниковых записей и мемуарных свидетельств, которые позволили бы уточнить и углубить наши знания в этой области» [7] — в значительной мере это замечание одного из видных исследователей литературы пушкинской поры применимо к Плетневу. Обычно он интересовал литературоведов не более как адресат литературных знаменитостей. Выяснение литературно-эстетических позиций самого Плетнева как критика, автора литературно-мемуарного цикла оставалось на втором плане. Между тем личность Плетнева заслуживает более пристального внимания.

Отсутствие декларативности, категоричности в суждениях характерно для творческого почерка Плетнева-критика. Уже в начале творческого пути он усвоил одно из основных правил карамзинской эстетики: «<. . .> более хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно».[8] Эстетической концепции творчества Плетнева свойственна некоторая неопределенность, причины которой следует искать в особенностях его литературного воспитания. Чутко реагирующий на колебания литературной атмосферы, Плетнев оказался исключительно восприимчивым к разного рода эстетическим веяниям. Система его литературно-критических воззрений впитала элементы просветительства, сентиментализма, романтизма. В истории русского литературного процесса первой трети XIX в. критика Плетнева отражала сложность и противоречивость романтической эстетики периода становления.

С 1819 г. Плетнев становится одним из деятельнейших членов «ученой республики», активно сотрудничает в «Трудах» Общества, придерживаясь позиции сторонников демократического крыла. Цикл литературно-критических разборов Плетнева периода участия его в Вольном обществе служит превосходной иллюстрацией к общей картине вызревания, борьбы идей, форм, методов новой литературной школы — романтизма.

С 1818 г. Плетнев устраивает вечера по субботам, на которых можно было встретить литературный «цвет» столицы. В то же время он продолжает бывать на вечерах Карамзина, знакомится с приехавшим из Москвы И. И. Дмитриевым и, видимо, по просьбе А. И. Тургенева предпринимает издание сочинений В. Л. Пушкина. В письме к Вяземскому (август—ноябрь 1821 г.) он подписывается: «Редактор Стихотворений В. Л. Пушкина».

Личное знакомство Плетнева с В. Л. Пушкиным (если оно было) могло состояться в феврале—марте 1816 г. В это время Пушкин на короткий срок приезжал в Петербург с Карамзиным и Вяземским, а в конце марта уже вернулся в Москву.[9] Затем общение продолжалось заочно через пушкинский лицейский круг (Дельвига и Кюхельбекера), Карамзина и Вяземского.

Издание сочинений Василия Львовича было вторым издательским опытом Плетнева.[10] В. И. Саитов во вступительной статье к «Сочинениям В. Л. Пушкина» (СПб., 1893) среди участников издания первым упоминает Плетнева, которому приходилось осуществлять связь как с непосредственными делопроизводителями — наборщиками, купцами, так и с высокопоставленными попечителями издания — Карамзиным и Вяземским.

Известны два письма Плетнева к Вяземскому в связи с задуманным предприятием: от 6 января и 17 июля 1822 г. Первое извещает корреспондента о готовности предварительных мер по изданию: «Объявление напечатано <. . .>,[11] типография приискана, бумага выбрана, билетов роздано очень много <. . .>» (*3*, 385), сделан первоначальный расчет предполагаемых издержек — 2000 рублей. Второе письмо — от 17 июля — написано в разгар издания, встретившего «непредвиденное препятствие» в виде цензурного запрета на два произведения: «1) Послания к Дашкову, в котором Василий Львович про себя говорит, что он *с восхищением читает Кандида*, и 2) Эпиграммы, начинающейся: „Лишился я жены, любовницы, коня“», о чем Плетнев и уведомлял Вяземского. Разрешение, полученное ранее от цензора И. О. Тимковского, было пересмотрено новым цензурным комитетом, почему Плетнев и считал бессмысленным упорствовать, советуя пойти на уступки, с тем чтобы сохранить само издание. Авторитет своевременно вмешавшегося Карамзина, ходатайство его перед кн. А. Н. Голицыным, министром народного просвещения, позволили отстоять только «Послание к Дашкову».[12]

В архиве Вяземских в ЦГАЛИ[13] среди не публиковавшихся ранее писем Плетнева к Вяземскому два связаны с историей издания сочинений В. Л. Пушкина. Одно датировано 28 марта 1823 г., когда публикация сочинений Василия Львовича стала свершившимся фактом и Плетнев только информировал Вяземского о состоянии дел по обеспечению экземплярами книги варшавских подписчиков; второе — без даты — уже после первого прочтения оставляет впечатление наиболее раннего документа по интересующему нас вопросу.[14] О письме Вяземского к Плетневу от 16 февраля — также неопубликованном — упоминает В. Э. Вацуро в комментариях к стихотворениям Плетнева,[15] рассматривая его как ответ на письмо Плетнева от 6 января 1822 г. В XX ч. «Соревнователя» на 1822 г. (кн. 2) сообщалось о выходе «Стихотворений» В. Л. Пушкина с особой похвалой в адрес издателей: «Издание Стихотворений В. Л. Пушкина чрезвычайно удачно как по исправности текста, так и по типографической красоте. Оно все напечатано на самой лучшей любской бумаге. Издатели украсили оное портретом, снятым с автора в Париже во время его там пребывания и гравированным здесь в С. Петербурге известным нашим художником г. Галактионовым».[16]

Столь удачное начало не могло не способствовать укреплению авторитета Плетнева в кругу петербургских литераторов в качестве «энтузиаста истинных талантов» (*3*, 384), как сам он себя называл.[17]

В 1823 г. Плетнев добровольно берет на себя хлопотные обязанности по третьему изданию «Стихотворений» Жуковского, почему и может с уверенностью написать Вяземскому 28 марта 1823.: «<. . .> я прежде других могу знать, который лист подписан: *печатать,* и который нет».[18] О том, что издание удалось, свидетельствует желание А. Пушкина издать собственные стихотворения — при участии того же Плетнева — не хуже. «Печатайте каждую пиесу на особенном листочке, исправно, чисто, как последнее издание Жуковского», — пишет он.[19]

В 1820 г. Плетнев был официально представлен Жуковскому. К этому же времени относится первое известное нам письменное обращение его к поэту от лица Общества «соревнователей». Слова из письма Плетнева — как «посредник общества» — подчеркивают важный для исследователя литературы момент: Плетнев уже в этот ранний период пользовался доверенностью сочленов.

В 1826 г. Плетнева пригласили принять участие в издании сочинений В. А. Озерова. Для него это было тем более значительным событием, что над иллюстрациями к изданию работал А. Н. Оленин.[20] Круг Жуковского, Карамзина, Оленина — поистине блистательное общество принимало в своих салонах бывшего семинариста. Доверительные отношения, установившиеся у Плетнева с книгопродавцем Глазуновым (издателем сочинений Озерова), открывали широкий простор для его издательской фантазии. По существу, это был первый опыт Плетнева-издателя, когда он не был стеснен уже разработанными программами и действовал самостоятельно. Представляя Вяземскому программу издания — в трех томах, он обращается к нему не за указаниями, как при издании сочинений В. Л. Пушкина, а за советами, дополнениями, которые мог бы сделать «биограф» Озерова. Сочинения Озерова появились в 1828 г.[21] В письме к Вяземскому от 29 июня 1829 г. об издании сочинений драматурга говорится как о свершившемся факте. Вдохновленный удачей, Плетнев приветствует решение Вяземского издать собственные сочинения, обещая помочь в сборе рассеянных по журналам статей.

Обильные стихотворные вкрапления в стиле дружеских посланий, стихия легких намеков, полувопросов, недосказанности — превалирующая эмоционально-экспрессивная гамма переписки литераторов пушкинского окружения. Характерно, что и Плетнев, не будучи еще в коротких отношениях с Вяземским, как бы берет за образец письма его и Пушкина и стилистически оформляет свою корреспонденцию аналогичным образом. Для историка литературы небезынтересно сравнить стилистическую одноплановость писем Плетнева от 6 января 1822 г. и 28 марта 1823 г. и письма Вяземского от 16 февраля 1822 г.

Знакомство Плетнева с Вяземским состоялось в феврале 1821 г.,[22] но на первых порах носило, видимо, довольно сдержанный характер. К концу 1830-х годов в отношении князя к удачливому и признанному аристократическим кругом «выскочке» проявляется доброжелательная заинтересованность (впрочем, не бескорыстная: Плетнев готовил к изданию его «Адольфа»). История работы Вяземского над пе-

реводом «Адольфа» и публикации его изложена в монографии М. И. Гиллельсона.[23] Мы обратим внимание только на тот факт, что два письма Плетнева об «Адольфе» выпали из научного оборота. Третье — от 6 апреля — цитировалось М. И. Гиллельсоном.[24] Мы приводим здесь его полный текст. Датированные 1831 г., они информативны в пределах узкой темы: перевод — типография — книгопродавцы. Только в последнем, от 23 сентября 1831 г., когда печатание основного тиража было закончено, Плетнев позволил себе оставить деловой тон и ввести замечания о литературных новостях столицы. Типографские достоинства и удачное распространение издания подтвердили верность расчета Вяземского, поручившего хлопоты именно Плетневу. «Я надеюсь на вашу приязнь ко мне и общую готовность подавать всем руку помощи, — писал ему Вяземский. — В моем безответном горе тотчас вспомнил я о вас и бросился в ваши объятия, уверенный, что от вас добьюсь, по крайней мере, ответа и толка».[25]

Значение писем Плетнева к Вяземскому раскрывается в контексте литературных полемик 1830—1831 гг., в частности вокруг переводов романа Б. Констана «Адольф». В этой связи становится понятным и замечание Плетнева о «Телеграфском переводчике».[26] Фразу «но беспрестанно и теперь встречаются остановки» в печатании надо читать: цензурные придирки к переводу не исчерпаны и возможны любые непредвиденности. Деятельное участие Плетнева в судьбе «Адольфа» позволяет предположить в нем не столько исполнителя-комиссионера, сколько единомышленника Вяземского, Пушкина, Баратынского во взгляде на исторические перспективы русского романа, русского литературного языка.

В 1838—1839 гг. Вяземский путешествовал по Западной Европе. «Современник» Плетнева был единственным изданием, где могли печататься литераторы пушкинского окружения. По этой причине и зная о затруднениях Плетнева с материалами для журнала, Вяземский доставляет ему письма А. И. Тургенева, которые и были помещены в 9-м томе «Современника» за 1838 г. под рубрикой «Хроника русского в Париже». Еще в 1827 г. Плетнев писал о них Вяземскому: «Как занимательны его к вам письма! Вот кто бы мог у нас быть истинно европейским литератором» (*3*, 387). В 1836 г. письма Тургенева были опубликованы Пушкиным под названием «Хроника русского». Известно, что Тургенев был возмущен произволом цензуры и отношением издателей к его детищу.[27] Публикация «Хроники русского» в журнале Плетнева шла гладко до 1841 г., когда Тургенев высказал издателю свое неудовольствие по поводу перевода и цензурных купюр. Деликатностью и убедительностью приводимых доводов Плетневу удалось предотвратить чуть было не возникший конфликт. С ноября 1838 г. между ним и Тургеневым завязывается личная переписка, не прерывавшаяся вплоть до кончины Александра Ивановича в 1845 г.

Всецело доверяясь критическому чутью Плетнева, Вяземский обычно ждал его суда, прежде чем отдавать рукопись издателю: «Сделайте одолжение, Петр Александрович, прочтите критическим глазом стихи, которые отдаю Владиславлеву, и отметьте, что вас заставит покоситься» (*3*, 391).

Надо полагать, Плетнев обладал особым даром общения, притягивающим к нему людей. Атмосфера репрессий последекабрьского периода, душевных травм и потрясений, вызванных безвременной кончиной Дельвига, Пушкина, Баратынского, мрачная полоса слежки и подозрений 1848—1855 гг. невольно создавала «дефицит» сердечности, бескорыстного участия. На всех этапах своего долгого жизненного пути Плетнев сохранял верность себе, не отказывая в приязни и участии тем, кто обращался к нему. В избытке располагая душевностью, тактом, он распространял эти качества и на область литературной критики. Показательно в этом плане письмо его к Вяземскому от 14 июня 1848 г., где он разбирает стихотворение Вяземского «Волшебная обитель». Бо́льшая часть сделанных критиком замечаний была принята поэтом, между тем как Плетнев заключил свои рассуждения следующим образом: «Все это (повторяю) мысли человека, который плепен целым и только от многократного чтения и пристрастия становится пресыщенным и анатомирует свои наслаждения» (*3*, 399).

В 1840-е годы Вяземский возобновляет работу над монографией о Фонвизине. Плетнев, с 1841 г. избранный ординарным академиком Отделения русского языка и словесности, имел доступ к архивным документам библиотеки Академии и мог (более чем!) удовлетворить исследователь-

ский пыл Вяземского, прислав ему для прочтения письма Фонвизина. Сохранились две его записки этого периода: от 31 марта 1842 г. и 4 апреля того же года. Первая частично, а вторая полностью опубликованы В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсоном в книге «Новонайденный автограф Пушкина» (М.—Л., 1968). Плетнев был знаком со второй редакцией монографии Вяземского «Фонвизин» 1832 г. В тексте рукописи сохранились его критические пометы.[28]

Письмо Вяземского от 31 марта 1847 г. и помета на нем Плетнева свидетельствуют, что и в 1840-е годы последний практически участвовал в воплощении любимого замысла Вяземского — издать книгу о Фонвизине. Плетневу доверил князь выбрать наиболее удачный вариант названия, оценить вступительную часть и пр.

Короткие записки Вяземского 1840-х годов пестрят просьбами, приглашениями на вечер, выражением искренней приязни, уважения. И все-таки в них нет той особой душевной раскованности, которая отличала переписку Плетнева с Пушкиным.

В конце 1840-х годов Плетнев переживает вторую молодость. Он был влюблен восторженно и нежно в 20-летнюю княжну Александру Васильевну Щетинину. И ему отвечали взаимностью. В архиве писателя в ИРЛИ сохранилась не одна сотня взволнованных, счастливых их писем о поэзии, любви, снова о поэзии. И это при том, что виделись они едва ли не каждый вечер. Духовным источником их любви были стихи Жуковского и Пушкина. В феврале 1849 г. состоялась свадьба. Невеста принесла в приданое молодость и любовь к жениху. Это был счастливый брак, освященный глубокой преданностью супругов. Спустя 16 лет в последний путь Петра Александровича Плетнева провожали трое: жена и сыновья Александр и Алексей.

В 1850-е годы переписка Плетнева и Вяземского оживляется. Однако содержание их писем ограничивается сообщениями об узком круге лиц, преимущественно принятых при дворе. Творческая активность Плетнева заметно угасает. Освобожденный от хлопот по журналу и чтения лекций в университете,[29] он сохранил прежний интерес к литературным делам коллег, учеников, друзей, но во второй половине 1850-х годов это уже не столько участие, сколько созерцание. Выразив недоверие П. В. Анненкову как биографу и издателю Пушкина в письме к М. П. Погодину от 6 октября 1851 г.: «Рассказывал ли вам Анненков, как он думает рассортировать статьи Пушкина в новом издании? Это что-то странное, если не сказать нелепое. Для этих господ Пушкин не более, как и для Краевского, что-то немного поменьше Лермонтова»,[30] — в 1853 г. он был уже не столь категоричен: «Все это очень полно и интересно, хотя лишено несколько литературного изложения», — а в 1855 г. окончательно признал достоинства нового издания: «Она (биография, — *Е. Г.*) содержит в себе столько подробностей, что из нее одной выйдет том» (*3*, 418).

Пожалуй, наибольший интерес и участие Плетнева вызывает в это время творческий рост Н. С. Соханской, «очень умной харьковской институтки» (*3*, 418), заочная дружба-переписка с которой завязалась в 1846 г. Еще при жизни Жуковского Плетнев писал ему о талантливой украинской писательнице, молодой девушке из провинции, без связей и поддержки. История взаимоотношений Плетнева и Соханской достаточно самобытна и может быть предметом самостоятельной статьи.

Будучи в курсе всех обстоятельств жизни Жуковского за границей, Плетнев знал, в какой нравственной тревоге и сомнениях проходили последние два года его жизни. В 1851 г. физические страдания поэта усугубляются горьким сознанием своей ненужности как писателя на родине. Цензурные мытарства его «духовной» прозы побуждают Жуковского отказаться от печатания своих сочинений. Плетнев пытается вывести поэта из состояния тяжелой депрессии. Три публикуемых письма его к Жуковскому этого года оптимистичны, он полемизирует с поэтом о назначении искусства, оспаривает его мысль о художнике как творце для себя, поддерживает угасающую веру стареющего поэта в собственные силы.

1852 г. жестоко ударил по русской литературе. Вдали от родины скончался Жуковский. Умер Гоголь. Радостные и печальные события причудливо переплелись в жизни самого Плетнева: смерть друзей, дочери, рождение сына и внука... Щемящее чувство невозвратимости утраченного оседает в сердце: «<...> таково свойство омраченной души, что она теряет способность к радости. В один и тот же год я лишился Жуковского и моей Ольги.

Один был для меня какою-то звездою на горизонте моей жизни, другою дышало сердце мое. Без них я не способен к счастию».

Глубокие переживания, вызванные тяжелыми утратами, переданы в письмах к Вяземскому 1850-х годов. Страстная ностальгия по прошлому, по ушедшим друзьям, по умчавшейся молодости звучит в прекрасных простых словах. А сам Вяземский, с которым никогда не был связан Плетнев крепкой дружбой, становился вдвойне дорог ему (впрочем, и он Вяземскому тоже) как неотъемлемая часть счастливых лет, благословенной пушкинской поры: «Вашего возвращения я жду как возврата моей прошлой жизни. Единственное на земле существо, которому не чуждо мое прошлое, я так желаю отдохнуть при вас».

Плетнев обладал редкой и драгоценной чертой: он не только умел быть другом, но в высшей степени умел ценить друзей своих друзей. В последние два года жизни Жуковский часто сетовал, что забыт друзьями, одинок. И ни разу не посеял Плетнев в душе стареющего поэта черные мысли о неблагодарности дорогих его сердцу людей — напротив, он всячески оправдывал их суетой высшего круга общества, следуя законам которого они не могли свободно располагать своим досугом.

Приступы болезненной меланхолии, которым издавна был подвержен Плетнев, в зрелом возрасте участились. Опытный литератор, он не мог не видеть, что дворянство неуклонно сдает свои позиции в литературе. Не принимая идущей ему на смену разночинной интеллигенции, он не видел разницы между Белинским и Краевским, Достоевским и Полевым. Для него все они олицетворяли ненавистный мир «искусного хищничества» (*3*, 416) и «коварства». «Вне домашнего круга я везде страшно одинок и всем чужд и не нужен», — это ощущение остро переживалось Плетневым, не так давно бывшим одним из авторитетнейших людей в литературном мире. Трагизм положения Плетнева и других представителей его поколения заключался в том, что они физически пережили свое время, духовно оставшись с ним, не захотели или не смогли разглядеть настоящее лицо новой, демократической литературы.

Идейная эволюция Вяземского в пору его заката уже отмечалась исследователями: «‹. . .› он, в плену у прошлого, судил свою поэзию по приговорам 1810—1830-х годов, проецируя в совершенно иную эпоху мнения Жуковского, Батюшкова, Пушкина и Баратынского. Это была четко выраженная литературная позиция, обнаруживающая социальное одиночество Вяземского, отсутствие у него творческого контакта с какой-либо литературной группировкой нового времени».[31] В значительной мере это применимо и к Плетневу, неутомимому популяризатору традиций пушкинской поры в литературе последующих десятилетий.

По примеру Жуковского Вяземский решает издать собрание стихотворений за границей, а затем переправить тираж в Россию. Собрание печаталось в Бадене в 1858—1859 гг. Участие Плетнева в издании выразилось в том, что он доставлял полученные из-за границы рукописные тетради в цензурный комитет и отсылал назад с разрешением.

Последнее пятилетие жизни Плетнева началось хлопотами по организации 50-летнего юбилея литературной деятельности Вяземского. 2 апреля 1861 г. на празднновании он читал речь, где перечислялись заслуги Вяземского как литератора и государственного чиновника, академика. Разумеется, жанр юбилейного приветствия далек от жанра литературных портретов, которыми прославился Плетнев в 1840-е годы. Тем не менее и в официальной речи он сумел отметить главное в литературном таланте Вяземского: «По преимуществу поэт живых ощущений, то резких, то глубоких мыслей, защитник правды и бич глупости, он на каждом из своих стихотворений оставил след ума острого, языка оригинально-выразительного и впечатлительности неподражаемой» (*3*, 235).

Плетнев был прав, отмечая в поэзии Вяземского индивидуальный характер, просматривающийся даже в подражаниях известным современникам. Будучи знатоком мемуарно-биографического жанра, он высоко оценил труды Вяземского в этой области: «В прозе его преобладает сила мысли. Он в коротких и резких выражениях умеет заключить то, что составляет всю сущность исследования. Его книга о Фонвизине принадлежит в русской литературе к самым замечательным явлениям в критико-историческом роде» (*3*, 235).

Лето 1861 г. Плетнев провел за границей. К этому времени он уже знал о

своем отстранении от ректорской должности в Петербургском университете, в какой бессменно состоял с февраля 1840 г., и хотя административные хлопоты были обременительны, переживал отставку, официально последовавшую в ноябре 1861 г. «<. . .> Меня, выбрасываемого из ректоров» (*3*, 489), — так аттестовался он Вяземскому в письме 3/15 августа 1861 г. из Парижа. С 1864 г., неизлечимо больной, Плетнев безвыездно живет в Париже и продолжает интересоваться литературными планами князя. «У меня накопилось много виршей, которые хочу напечатать за границею, но предварительно передать на Вашу цензуру, как то обычно заведено с давнего времени», — писал Вяземский 4 мая 1864 г. из Венеции (*3*, 496), на что Плетнев незамедлительно отвечал: «Прибытия ко мне стихов ваших нетерпеливо жду, не для цензуры, как выражаетесь вы, а для моего оживотворения, потому что я ничего перед собою не вижу, чем прежде жил» (*3*, 497).

За год до смерти Плетнев испытал забытое, но по-прежнему волнующее чувство, уносящее в годы давно прошедшей молодости, когда были живы дерзкие и талантливые его друзья — Пушкин, Дельвиг, Баратынский. . . Это чувство навеяли стихи Вяземского, обращенные к нему и Тютчеву — немногим, кто остался из былого тесного круга. «Вы приобщили меня к той плеяде, — писал Плетнев, — на которую я всю мою жизнь только любил смотреть, восхищаться ею, но никогда и на мысль мне не приходило воображать себя в ней. Одно долголетнее и непременное благорасположение Ваше ко мне заставило вас видеть во мне как бы принадлежащего к вашему кругу». Даже в конце жизни Плетнев не сумел (или не захотел) преодолеть дистанцию, отделяющую его от столь любимых им людей. Он был благодарен, горд, растроган, но встать с ними вровень считал себя не вправе.

Стареющие знаменитости петербургского литературного мира былых времен, вынужденные из-за расстроенного здоровья проводить последние годы за границей, Вяземский и Плетнев чувствовали особенную нежность друг к другу. «Наши старые сердца друг по друге стосковались <. . .>, и с нами совершаются тяжелые операции и *отламываются* сердечные ребра» (*3*, 506), — эти глубоко прочувствованные строки Вяземского как нельзя лучше передают душевный фон их переписки последних лет.

1. ПЛЕТНЕВ — ЖУКОВСКОМУ

С<анкт> П<етербург> 22 июня 1820

Милостивый Государь
Василий Андреевич!

Общество Соревнователей[32] чувствительнейшую приносит вам благодарность за то, что вам угодно было украсить их публичное чтение своею Орлеанскою девою.[33] Я с своей стороны как посредник общества приятнейшею обязанностию почитаю донести вам, что при чтении Девы восторг был всеобщий.

Извините, что я снова беспокою вас просьбою доставить приложенное здесь письмо Г. Шторху.[34] В сем письме говорится о новом учителе для Института по части русской словесности. Я бы желал оное принять вместо преподавания там Географии.[35] Не возьметесь ли вы сказать Г. Шторху, что я имею припадки по части литературной — и потому мог бы кой о чем бредить в сем новом занятии. Я надеюсь скоро быть в Павловске. Позвольте мне вас отыскать и лично изъявить вам свое почтение, с которым имею честь быть

покорным слугою
П. Плетнев

2. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

<Петербург> <август — ноябрь 1821>

Осмеливаюсь у Вашего Превосходительства испрашивать разрешения на следующие *пункты* в рассуждении издания Стихотворений В. Л. Пушкина.

I

По расчету Сленина печатных листов выйдет около 13. Ежели напечатать 1200 экз<емпляров>,[36] то надобно употребить бумаги 30 с лишком стоп. Когда купить простой бумаги, то надобно за все заплатить около 450 рублей, если же взять веленевой, то около 600 руб<лей>. Прошу вас назначить, какую предпочесть бумагу для такого щеголя, каков Василий Львович.

II

В типографии у Греча за набор за лист берут по 35 руб<лей>.[37] Можно ли

переменить сию типографию на другую, если уже известно, что они все гораздо хуже его, хотя и дешевле. У Греча весь набор будет стоить 455 руб‹лей›.

III

Итак, выходит издание книги:

на *простой* бумаге	на *вленевой*
450 бум.	600
455 набор	455
500 редактору	500
всего 1405	всего 1555

Как прикажете поступить и от кого получить деньги, чтобы рассчитаться с купцами и типографщиками?

Если вашему превосходительству угодно будет доставить мне разрешение, хотя через Сленина,[38] то я приступлю к печатанию.

Редактор Стихотворений В. Л. П.

Плетнев.

3. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

Москва. 16 февраля ‹1822›[39]

Любезнейший Плетнев! что Муз Вы верный данник,[40]
Мне это рассказал заманчивый Ваш слог;
Но кто Вам из Святых во святцах соимянник,
Из Вашей подписи я угадать не мог.
Придется, видно, мне, как на Руси бывалой
Вас Аполлоновичем звать
И то в наш грешный век, признаться, труд немалый,
Попасть на отчество под стать!

Итак, начну, любезнейший Аполлонович, благодарением за приятное письмо, полученное мною, совестно и сказать когда, и извинением, что отвечаю на него так поздно. Много было причин домашних, светских, важных, мелочных, различных и разнородных, препятствовавших мне доселе удовлетворить желанию и обязанности. Одна из важнейших та, что мне хотелось:

При малой сумме рифм, не стоющих ни гроша,
Прислать поболее грошей, чтоб скрасить речь;
Но на Руси стихи, как роковая ноша,
Куда как трудно сходит с плеч.
Благодаренье просвещенью
Дворяне наши любят виск;
Но худо научася чтенью,
Они не жалуют подписок.[41]

Авось, однако же, когда-нибудь наша совершится. Подождем, а между тем поучимся у старших. Искусство почитать книги не всегда зависит от искусства их писать.

Иная Муза, как торговка,
Искусна в ход пускать товар,
Уметь писать потребен жар,
Уметь печататься: сноровка.
Пример нам, брат, не с далека
Хвостов искусник в этом деле.
Он пишет тяжело, читать его тяжеле,
Но уж печататься за что рука легка![42]

Сделайте одолжение, скажите Н. И. Гнедичу, что по крайней мере дело с Тончи, кажется, идет на лад. Надеюсь, до конца недели будущей дать ему решительный ответ в рассуждении портрета.[43] Сколько у Вас всего подписчиков на Василия Львовича? Простите: скажите мой усердный поклон знакомым мне сочленам[44] нашим и примите уверение в искреннем моем уважении и постоянной преданности.

Вяземский.

4. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

Петербург. 28 марта 1823

Почтеннейший и любезнейший
Князь Петр Андреевич!

Новоявившийся к вам юноша Пушкин, племянник Василия Львовича и брат Александра Сергеевича[45]

(Из рук судьбы принять такой удел
И всякой бы хотел!),

доставил мне благовидный предлог подать вам весть о себе. Для вас это не выигрыш: зато я в большом барыше. Я могу несколько минут говорить вам — и (кто знает?), может быть, благодаря овладевшей светом светскости услышу от вас несколько слов ответственных. Позвольте вам, милый князь, попенять, что вы нам, бедным писакам, не даете никакой дороги к самому недолговечному бессмертию. Мало было для вас школить и учить нас своими сатирами. Вы принялись за биографии писателей — а это у меня оставался последний хлеб, которым было я думал спасти от смерти голодную свою графоманию.[46] Теперь поневоле надобно отложить о всем попечение. Я удивляюсь и завидую вашей

счастливой деятельности. Я не понимаю, как вы

В своем лирическом веселье,
То важно, то шутя,
Как муж и как дитя,
О деле и безделье

все успеваете обдумать и передать бумаге! Не подумайте, что я хочу вас сглазить. Сохрани меня бог от этого! Вы искупаете ленивый наш век от бесславного порицания.

Поручая любви вашей молодого Пушкина, я покорно прошу вас принять все менторские права над моим Телемахом (это впрочем, подражение: так его в письмах своих всегда называет Кюхельбекер). Я провожал его в Москву с приятною надеждою, что он будет часто меня извещать о вас.

Примите на себя труд, любезнейший князь, изъявить мое высокопочитание Нестору нашему И. И. Дмитриеву. Проведенные мною у него часы, во время последнего его приезда в Санкт-Петербург, никогда не изгладятся из моей памяти. Подобное удовольствие я испытываю только тогда, когда бываю на вечерах у друга его Н. М. Карамзина.

Хотел бы сообщить вам что-нибудь о литературных новостях: но вы, имея столько здесь друзей, верно, все узнаете прежде меня. Joанна д'Арк Жуковского уже вся отпечатана (я о ней потому вам говорю, что прежде других могу знать, который лист подписан: *печатать*, и который нет).[47] В этом же томе будут помещены и Лирические пиесы Жуковского; почему еще нельзя пустить в продажу сей трагедии. Вы, конечно, извещены уже о несчастии Жуковского, т. е. о смерти Марьи Андреевны;[48] он теперь в Дерпте опять — и потому печатание его Стихотворений надо было остановить. Формат их побольше Стихотворений Василья Львовича, а буквы точно те же.

Вы просили переслать Стихотворения В. Л. Пушкина в Варшаву для тамошних подписчиков. Сленин взялся было это исполнить, и я писал уже к г. Фовицкому,[49] что он получит сии книги. Но после Сленин сказал, что он не находит возможности переслать туда сии книги, прибавив, что, впрочем, это и не нужно, потому что многие уже из тамошних подписчиков, посредством своих корреспондентов в Петербурге, получили от него сии книги, предъявляя билеты.

Позвольте, князь, поручить вам себя и уверить вас в совершенном моем к вам почтении и преданности.

Я имею честь быть
покорным слугою
П. Плетнев.

5. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

Петербург. 6 апреля 1831

Имею честь известить вас, почтеннейший и любезнейший князь Петр Андреевич, что с божиею помощию началось и печатание Адольфа. Но беспрестанно и теперь встречаются остановки. Цензор подписал, по убеждению г. Сербиновича,[50] начало рукописи, листа на два печатных. Их набрали и опять ждем, когда пришлется продолжение оригинала.

По вашему желанию, я, сколько было можно в здешних типографиях, старался издание сделать во всем сходным с французским. Вы не написали, сколько вам угодно было оттиснуть экз‹емпляров› перевода. Я рассчитывал, что после напечатания этой повести в Телеграфе[51] много было бы тиснуть целый завод.[52] Судя же по числу любителей и почитателей вашего пера, находил я ползавода очень малым количеством. От этого остановился я на середине и велел печатать 800 экз‹емпляров›.

Те места, в которых вы сошлись с Телеграфским переводчиком, переменил еще в рукописи г. Сербинович, прося меня, буде найду нужным, еще делать перемены в корректуре. Я старался, сколько умел, не вредить переменами вашему тексту. Но важнейшие перемены, которые вы встретите даже в вашем предисловии и посвящении, сделал Василий Андреевич Жуковский, который просматривает последнюю корректуру всякого листа.

Книжка не может выйти ранее, как в мае, потому что в страстную и святую недели работы в типографиях не бывает.

Если бы вы сами приехали сюда хоть к исходу печатания, так распорядились бы так, как вам покажется лучше. Продавать этой небольшой книжки при всем интересе ее содержания, кажется, невозможно будет дороже 5 р‹ублей›.[53]

Впрочем, да будет во всем ваша авторская воля.

Плетнев.

6. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

Петербург. 5 сентября 1831

Скоро ли вы, любезнейший князь, возвратитесь к нам! Теперь Петербург уже не страшен.[54] Летом я не извещал вас об Адольфе потому, что и сам далеко жил от города, да и вам некогда было им распоряжаться.[55] Приведши к окончанию издание его, долгом почитаю представить вам некоторые подробности.

1. Напечатано 800 экз‹емпляров›, которые все уже и приготовлены к продаже и переплетены в бумажку.

2. Набору в книжке вышло $10^3/_4$ лист.

3. Заплатить надобно в типографию за набор книги и обвертки 338 р‹ублей› 50 к‹опеек›.

4. Все издание сделано на веленевой бумаге, а обвертка цветная — сиреневая. За бумагу ту и другую следует заплатить 376 р‹ублей›.

5. За переплет 800 экз‹емпляров› для продажи и 5 экземпляров особо для цензурного комитета 84 р‹убля›.

Таким образом все издание Адольфа обошлось в 798 р‹ублей› 50 к‹опеек›.

Если вы располагаетесь скоро переехать сюда, то книги могут оставаться в типографии до вашего прибытия, тем более что лучшее-то время для продажи книг еще впереди, а именно: ноябрь и декабрь.

Если же вы намерены поступить как-нибудь иначе, то потрудитесь дать мне или другому кому знать о том.

С совершенным почтением имею честь быть

покорнейшим слугою

П. Плетнев.

7. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

‹Петербург› 23 сентября 1831

Вследствие распоряжения вашего,[56] любезнейший князь, продал я книгопродавцу Смирдину[57] 200 экз‹емпляров› Адольфа, а полученные за них 800 р‹ублей› внес в типографию и в лавку за бумагу. По назначению вашему все остальные экзем‹пляры› приказал, было, я отослать к Салаеву[58] числом 600, но 10 из них оставил здесь для знакомых вам литераторов, а еще 10 сего же дня отправил по почте к вам лично. И так Салаев получил только 580 экз‹емпляров›.

Пушкин на нынешний год будет сам издавать Сев‹ерные› цв‹еты›.[59] Потрудитесь пустить это в известность и постарайтесь поскорее доставить ему назначенные вами пиесы для Сев‹ерных› цвет‹ов›.

Жуковский обнимает вас и ждет сюда с нетерпением. Он столько написал новых экзаметров, что можно из них славное сделать шоссе от Петербурга до Остафьева.[60]

Примите уверение в совершенной преданности моей.

П. Плетнев

8. ПЛЕТНЕВ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

С‹анкт› П‹етер›б‹ург› 4 ноября 1838

Милостивый Государь
Александр Иванович!

Если до сих пор я не благодарил Вас за статьи, которыми Вы украсили мой Современник, то не подумайте, что я не умел оценить их. Никогда еще не бывши в переписке с особами, живущими за границею, я затруднялся и даже не знал, каким образом адресовать мне к Вам свои письма, чтобы они действительно дошли до Вас. К счастию, Ф. И. Прянишников[61] объявил мне, что Вам досадно, отчего Современник не высылается к Вам. Теперь, пользуясь этим случаем, постараюсь оправдать себя перед Вами и на будущее время быть исправным.

В то же время как отпечатана была первая моя книжка Современника (в конце марта 1838), здесь еще находился Кн. П. А. Вяземский.[62] По своей благосклонности вызвался он переслать за границу экземпляры, назначенные мною: 1) Вам, 2) Ф. Тютчеву (в Турин)[63] и 3) Гоголю (в Рим),[64] что и было тогда же сделано. По отъезде Кн. Петра Андреевича я остался без протекции. Экземпляры второй и третьей книжек, уже отпечатанные, оставались у меня до сих пор без отсылки за границу.

Я имею честь представить Вам теперь обе эти книжки. Желал бы то же сделать для Тютчева и Гоголя, но не знаю как. Если Вы, по благосклонности ко мне, научите меня, как тут поступить, я непременно воспользуюсь. Кн. П‹етру› А‹ндреевичу› и В. А. Жуковскому не посылаю их экземпляров, будучи уверен, что сами они скорее доедут до России, нежели мои книги до них.[65]

Не имею никаких прав утруждать Вас просьбою, чтобы Вы не отказались хоть изредка оживлять бесцветные и холодные

страницы моего журнала. Но если мое уважение к Вам и — смею сказать — детская к Вам любовь (потому что воспоминание о Вас сливается у меня в сердце с лучшими днями бытия моего)[66] заменяют некоторым образом права, то Вы, конечно, примите их во внимание.

С совершенною преданностию и истинным почтением имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга
П. Плетнев.

9. ПЛЕТНЕВ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

С‹анкт› П‹етер›б‹ург› 19 мая 1841

Я получил строгий выговор Вашего Превосходительства. Что скажу в оправдание свое? Вы сами увидите на обертке препровождаемого при сем № 2 Соврем‹енника›, от какой причины произошел беспорядок при печатании № 1. Всю прошедшую зиму, со времени возвращения моего из Гельсингфорса,[67] я был болен; даже теперь едва могу заниматься делами — и потому принужден доверять во всем приятелям своим. Таким образом невозможно мне было сохранить прежней аккуратности, с какою печатал я драгоценные письма Ваши.[68]

Впрочем, после Вашего письма я с большим вниманием перечитывал еще несколько раз эту статью — и не нашел ее до такой степени испорченною, как Вам это показалось. Видно только, что цензор потешился над нею, а переводчик был не совсем опытен в новом для него деле. Только я говорю так, судя, может быть, пристрастнее, нежели Вы: для меня каждая заметка Ваша, каждый намек бесценны — и вот причина, что до сих пор мне кажется все интересным в Вашей Хронике.

Я исполнил поручение Ваше касательно отсылки писем в Москву.[69] Экземпляры Современника, по Вашему назначению, исправно отсылаются Путятину[70] и в Симбирск.[71] Жуковский уехал в Дюссельдорф к Невесте,[72] которая, вероятно, скоро будет не Вестою. Кн. П. А. Вяземский не поехал в чужие краи — и лето проведет на железной дороге между Петербургом и Царск‹им› Селом. Н. Н. Пушкина отправилась на лето в Михайловское.

Позвольте надеяться, что некогда Вы перестанете на меня сердиться — и Современник, при помощи Ваших писем, снова будет отвечать своему названию.

Дай Бог, чтобы поездки Ваши были столь же приятны для Вас, сколько они интересны для России, и чтобы котомка Ваша превратилась в тюк — эмблему места служения Вашего в отечестве.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугой П. Плетнев.

P. S. Сию минуту привезли ко мне из Гельсингфорса драгоценность: Фритиофа Тегнера.[73] Повергаю ее к стопам Вашего Превосходительства.

10. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

‹Петербург› 31 марта 1842

Имею честь возвратить вашему сиятельству бумаги и представить новые касательно Илиады и Фонвизина. Полюбуйтесь, как хлопотал многоученый муж.[74]

С. Н. Глинке[75] не могу ничего сказать в ответ, ибо В‹еликая› К‹нягиня› Мария Николаевна вышла уже из числа моих учениц.[76]

П. Плетнев.

11. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

‹Петербург› 30 марта 1843

По совету Вашего Сиятельства я посылал рукопись А. И. Тургенева в Ценз‹урный› ком‹итет›.[77]

Препровождая ныне ее к Вам, прошу покорнейше дать мне совет: что я должен с нею сделать. Не более $^1/_{10}$ доли осталось без зачерток. Могу ли я, не рассердив А‹лександра› И‹вановича›, напечатать это, или Вам угодно будет предварительно снестись с ним об этом?

Душевно преданный Вам
П. Плетнев.

12. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› Вторник, ‹1844›

Граф Соллогуб читает у меня сегодня вечером свой Тарантас.[78] Не пожалуете ли и Вы ко мне хотя на чашку чаю и на сигару.

Душевно Вам преданный
Вяземский.

13. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› 16 марта ‹1846›

Не можете ли, любезнейший Петр Александрович, выпросить для меня из академической библиотеки старое изданье сатир Кантемира. У меня есть старинная рукопись Кантемира, в которой сказано, что в некоторых местах не сходствует она с печатным изданием. Мне хотелось бы их сличить. Может быть, найдутся любопытные и достойные внимания изменения.[79]

Душевно Вам преданный

Вяземский.

14. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› 1 мая ‹1846›

Не придете ли завтра ко мне вечером часу в десятом, любезнейший Петр Александрович. Я один, жена в Москве, и так, милости просим, в сюртуке или в халате, как угодно.

Душевно Вам преданный

Вяземский.

15. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› ‹31 марта 1847›

Помогите мне. В приложении к сочинению моему о Ф‹он› Визине желаю я поместить частную переписку его. В ней, кажется, ничего нет такого, что могло бы дать задуматься цензуре, разве только что тут имена официальные, но зато давно минувшие.[80] Рукопись моя первоначально одобрена была покойным Корсаковым.[81] Ныне вновь была рассмотрена и разрешена Никитенкою [82] и, кажется, им представлена была в главный комитет. Теперь мне не хотелось бы отдать эти приложения в руки Никитенко, который продержит их, по обыкновению своему, если не вечность, то по крайней мере полвечности. Вы мне говорили о цензоре Ивановском. Нельзя ли передать ему? [83] То есть может ли текст быть рассмотрен одним цензором, а приложение другим?

На всякий случай посылаю Вам все бумаги. Тут 37 листов и три тетради с одним письмом и реестром. Если можно, то потрудитесь передать все Ивановскому. Нельзя ли так, чтобы Ивановский рассмотрел по доверенности от Никитенко, — а этот подписал. Ужасно боюсь медленности и беспорядка Никитенко. Ради бога помогите.

Душевно Вам преданный

Вяземский.

16. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› 16 августа ‹1847›

Важный вопрос! Ради бога, решите, как мне окрестить свою книгу? Записки о Ф‹он› Визине и его (или и *о его*) времени. Фон-Визин и время его.

Далее: Сочинение К. Вяземского или: *собраны*, — или *составлены* К. Вяземским. Ожидаю Вашего благословения.[84]

17. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› ‹август—сентябрь 1847›

Благодарю Вас за Ваши замечания. На заглавие я совершенно согласен и да будет по-Вашему! О правописании имени Фонвизина можно думать и так и сяк: смотря с какой точки глядеть на вопрос. Все же *Фон*, хоть приставь его, хоть отставь, носит несомненный немецкий отпечаток. К тому же, кажется, у меня в тексте везде Ф. Визин. Да и надобно бы справиться, как сам писал он свою фамилию.[85]

Душевно Вам преданный

Вяземский.

18. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› 14 октября ‹1847›

Не хотите ли приехать ко мне в четверг в половине девятого часа? Вигель будет читать свои записки.[86]

Душевно Вам преданный

Вяземский.

19. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› ‹30 ноября 1847›

Вам всегда принадлежит моя первая исповедь. Сделайте одолжение, прочтите и передайте мне Ваши замечания.[87] Кажется, я не точно выставил стих Дмитрия Донского.[88] У меня нет Озерова под рукою.

Душевно Вам преданный

Вяземский.

20. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› ‹4 февраля 1848›

Я решился написать маленькое предуведомление к Ф‹он› Визину. Прочтите его, сделайте замечания и возвратите.[89]

Душевно Вам преданный

Вяземский.

21. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› ‹15 марта 1848›

Гр. Соллогуб читает у меня завтра в 8 часов вечера новую драму свою.[90] Не хотите ли послушать ее? Он сказал мне, что будет очень рад иметь Вас слушателем своим.

Душевно Вам преданный

Вяземский.

22. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› 4 мая 1848

Потрудитесь прочесть еще раз мои стихи[91] и распорядиться полицейской частью знаков препинания. Боюсь, нет ли в них какого-нибудь беспорядка. А потом отошлите пакет к Очкину.[92]

23. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› 11 июня 1848

Вот Вам моя новая исповедь.[93] Но покорно прошу держать ее про себя, потому что не знаю, пущу ли ее в ход или нет. Седина в бороду, а стих в ребро, дай Бог только, чтобы не холера. Наградите меня Вашими искренними и строгими замечаниями. Кажется не хорошо и мне очень не нравится: *щедростью судьбины*, но никак не могу управиться с этим полустишием. *Единой прелестью*, не сказать ли: *державной прелестью* или единой прелестью державной красоты. Прилагательный соус, который дает вкус и цвет сирым существительным. Впрочем, и то правда, не надобно соусами слишком умничать и французить.

Ожидаю теплого и красного дня, чтобы явиться к Вам.

Душевно Вам преданный

Вяземский.

24. ПЛЕТНЕВ — ЖУКОВСКОМУ

С‹анкт› П‹етер›б‹ург› 9/21 февраля 1851

Не сердитесь, добрый, благородный мой друг Василий Андреевич, что я по Вашему желанию не тотчас отвечал на письмо ваше от 3/15 января.[94] Причиною тому вчерашний день, т. е. 8 февр‹аля›, в который ежегодно происходит Университетский акт,[95] и я как Ректор обязан прочитать на нем годичный отчет о состоянии Университета и ученой деятельности профессоров. Приготовление этого отчета отнимает у меня в течение января все свободное время. Сверх того я успокоивался и от той мысли, что в январе вам писали Вяземский и Прянишников, которые присылали ко мне за вашим адресом. Теперь дам отчет в поручении вашем касательно рукописей, бывших в цензуре. Они наконец все мною оттуда вытребованы и переписываются начисто у меня. После я оригинал Ваш перешлю к А. П. Елагиной, а копию здесь оставлю до вашего сюда возвращения.[96]

Теперь желал бы я опровергнуть мнение ваше касательно печатания авторами сочинений их, но едва ли найду в себе довольно уменья, чтобы вы захотели пораздуматься при словах моих. Попробую однако же. Вы говорите частию вообще, частию относя это к себе. Первое решительно несправедливо. Писать только для себя, никому этого не сообщая ни письменно, ни печатно, — значит терять бесплодно время. Автор и не писавши не перестает жить с теми же убеждениями, какие излагает в сочинении. Следовательно, он только повторяет себя и для кого же? опять для себя. Писать надобно для того, чтобы этим распространить идеи, которые по совести и разумению своему автор считает общеполезными. Бывают эпохи, когда не время или не место таким идеям в обществе. Тогда автор отлагает их рассмотрение до удобнейших обстоятельств. Еще бывает период переходный от одних идей к другим, когда ни старые, ни новые верования не пользуются законными своими правами. Тут не должно приходить в отчаяние, а дать обстоятельствам утвердиться на чем бы то ни было — и после пустить в ход свои идеи. («Дух уныния не даждь мя».[97] Это одна из самых многозначительных молитв). Отдавшись унынию и — плоду его — отчаянию, можно потерять ясность мышления и разумения. А что говорите вы прямо о се-

бе — это еще несправедливее. Знайте и верьте, что из Русских теперь писателей никто не пользуется таким всеобщим уважением, любовию и особенною верою, как вы. Это самое и пугает цензоров, вообще трусливых и потерявших голову от потрясений, господствующих в Европе.[98] Если бы вы были здесь, то одним явлением своим на глаза труса вы вдохнули бы в него успокоение и отвагу. То же действие произвело бы свидание ваше и разговор с лицами, до которых нам доступ часто невозможен, или по крайней мере при этом доступе не бывает времени для объяснений. Все это заставляет меня просить вас совершенно успокоиться на время касательно судьбы новых сочинений ваших. Скоро мы все привыкнем к явлениям Европы и перестанем их смешивать с нашею жизнию, которая, слава богу, льется чистым источником, не возмущаемая ни дерзостию, ни отчаянием, ни безверием. Теперь нас ошеломил этот страшный шум, и мы в испуге подумали, не послышится ли он и у нас. Но это была мысль людей, недовольно знающих добрую, святую Русь.

На днях граф Д. Н. Блудов, вероятно, пришлет вам брошюрку со стихами кн. Вяземского и письмом к нему Графа С. С. Уварова, писанными на 50-летний юбилей[99] гражданской службы старой нашей Кассандры.[100]

Бедная жена моя[101] в третий раз нынешний год покидает меня и ездит за 300 верст в Старую Русу, где лежит без движения больная мать ее,[102] прибывшая туда весною из СПб. лечиться. Теперь к ее ревматизмам присоединилась водяная, которая должна ускорить страшную развязку. Моя жена в таком отчаянном положении, что описать нельзя. По ней могу сказать, что на земле возможна высочайшая бескорыстная любовь.

Обнимаю вас

П. Плетнев.

25. ПЛЕТНЕВ — ЖУКОВСКОМУ

С‹анкт› П‹етер›б‹ург› $\frac{1}{13}$ мая 1851

Давно сбираетесь вы к нам, добрый друг Василий Андреевич. Я полагал наконец, что нынешним летом вы непременно приедете сюда, как и сами уверяли вы целую зиму. Между тем из некоторых слов последнего письма вашего можно заключить, что этот переезд не есть что-нибудь совсем определенное, а только желательное.[103] Так как их величества[104] теперь прибудут в Варшаву, то легко случиться может, что вы, явившись туда, снова засядете в Германии. Это не значит, чтобы я находил откладывание ваше непростительным: я только не совсем понимаю, зачем вы нас маните обманчивою надеждой на свидание. Как поэту вам несравненно лучше работать в тишине немецкого городка. Никогда ни в Петербурге, ни даже в Москве не написали бы вы в последние годы столько, сколько удалось вам в Дюссельдорфе, во Франкфурте и в Бадене. Всех нас печалит только боязнь, что время между тем летит и вырывает из круга нашего то одного, то другого прежде, нежели мы успели бы свидеться и перед вечной разлукой пожать друг другу руку.[105]

В нынешнем году я неисправно писал к вам оттого, что не было ничего особенно для вас интересного. Да и ваше постоянное молчание удерживает иногда от корреспонденции с вами. Не знаешь, как на вас действуют подносимые слова. Часто я думаю, что вам надоело слушать о вещах ничтожных. Если бы вы вместо редких, хотя и длинных писем отзывались коротенькими записочками да только почаще, то и отсюда бы вам писали бы многие. По крайней мере отвечаю за себя. Вот и теперь Князь П. А. Вяземский в отчаянии, что вы не только не отвечали на его длинное письмо о Путешествии его по Востоку,[106] да и не упоминаете о нем даже в последнем письме ко мне.

Недовольны вы, зачем не сообщаю вам я замечаний своих на те статьи ваши в прозе, которые не прошли в печать. Разве забыли вы, что для меня каждая строка, вышедшая из-под вашего пера, есть святыня и услада на жизнь? Что же тут анализировать? Я только наслаждаюсь всем. Ни противоречий, ни отступления не может быть с моей стороны. Все для меня точно как красота и очарование прелестного весеннего дня. Я предаюсь упоению своему безмолвно, в уединении, без критики, без анализа. Это всегда у меня было в сердце, что для душевных наслаждений ничего не нужно, кроме врожденной восприемлемости. Все толки похожи на болтовню. Если бы очарование природы или вашей музы застигло меня в сообществе с другом, я мог бы только теснее прижаться к нему и промолвить: Как

это хорошо! Вы согласитесь, что при такой организации душевных способностей моих я был бы вполне счастлив, если бы нашел возможность все тетради ваши снова перечитать подле вас и высказать вам ощущения свои взглядами и односложными восклицаниями. Все, что ни говорите вы о печатании сочинений, довольно парадоксально. Давно известно, что сам труд есть высшая награда художника. Но никто не захочет отрицать, что ввести в свою высокую идею еще две-три, а может быть, и двадцать три души не пустое приобретение; не щекотание самолюбия, а точно такое же счастие, как встреча с избранною богом или с предназначенным от него другом.

Я писал уже к А. П. Елагиной, что скоро доставлю ей манускрипт ваш. Задержка за переписчиком, у которого мало свободного времени, а пишет-то он прекрасно.

Очень надобно позаботиться о выпуске в свет отпечатанных сочинений ваших.[107] Теперь нет возможности найти ни за какую цену ни одного экземпляра прежних изданий ваших. С осени непременно надобно начать продажу.

Обнимаю вас. Будьте здоровы и поскорее приезжайте к нам.

П. Плетнев.

26. ПЛЕТНЕВ — ЖУКОВСКОМУ

С‹анкт› П‹етер›б‹ург› $\frac{18}{30}$ мая 1851

В жизни так много неизбежных огорчений, что мы не должны, добрый друг мой Василий Андреевич, прибавлять их себе напрасными укоризнами и другим чем-нибудь тому подобным.[108] Говорю это вследствие последнего письма вашего. Нет сомнения, что вы верите в мою вам преданность и желание вам полного счастия. Если из моего письма что-нибудь не понравилось вам, это вышло, конечно, оттого, что я дурно выразился, а может быть и оттого, что вы читали его не совсем в хорошем расположении духа. Все это не причина, чтобы нам в чем-нибудь упрекать друг друга, когда мы убеждены в главном, т. е. во взаимной привязанности.

Будем же в письмах наших говорить только о том, что каждому из нас еще неизвестно, что полезно или приятно и что поможет нести достойнее ношу жизни на остатке дней. Я вполне чувствую, как тяжело на душе у вас от долговременной болезни жены вашей.[109] Тут, конечно, нет другого утешения, кроме преданности воле божией. Мне, впрочем, что-то сдается, будто переезд ее в Россию произведет перемену к лучшему в ее положении. А ваши дети?[110] Разве это не вознаграждение за все, претерпеваемое вами?

Сравнивая судьбу вашу с судьбою Василья Перовского,[111] я нахожу, что вы в миллион раз счастливее его. Он, на старости, одинокий, расслабленный от болезней, снедаемый честолюбием и другими страстями, ни на чем не может остановить взгляда с умилением и отрадою. Теперь опять отправился он в Оренбург. Что за общество для души, высоко образованной? Что за пища уму в сбыте официальных, ежедневных бумаг?

Жизнь Кн. Вяземского, и не столь блестящая, для меня завиднее. Он в центре лучшего общества, любим и лелеем в домашнем кругу, постоянно следует за событиями политического или литературного мира и даже сам хоть изредка является как действователь в последнем. Его сын[112] вышел прекрасный молодой человек. Женился он как нельзя удачнее по всему. Теперь он отправлен служить в Голландию. Кстати: отчего не сказываете вы, получили ли письмо Кн. П‹етра› А‹ндреевича›, которое он послал к вам, помнится, в январе?

Наш молодой Соллогуб переехал служить к Воронцову в Тифлис.[113] Его жена[114] отправилась на днях в Москву, откуда осенью хочется ей пуститься тоже в Грузию, если родные не удержат ее.

Смирнова,[115] прожив здесь месяца два, уехала в Подмосковную,[116] где, вероятно, вы увидите ее. Муж ее, из губернаторов причисленный к Министерству В‹нутренних› Д‹ел›, остается пока здесь для оправдания себя в тех обвинениях, которые так странно взвел на него князь Давыдов.[117]

Вьельгорских[118] почти всю зиму я не видал. Нет центра, где бы сосредоточивалось прежнее ваше общество. У Карамзиных тоже я редко бывал, потому что ехать на вечер одному не хочется, а жена моя редко бывает здорова.

Если вы будете здесь летом, вы найдете меня у Лесного Института, где устроили себе дачку и Вяземские.

На днях в Патриотическом Институте давали праздник в честь 50-летней службы Лонгинова.[119] В‹еликая› К‹нягиня›

Мария Николаевна и принц Ольденбургский [120] удостоили этот вечер своим присутствием. Лонгинов замечательного здоровья. Несмотря на свыше 70-летнюю старость свою, он точно так же на все готов, как и за двадцать лет.

Уваров еще не отправился в Поречье свое, а думает. И его вы, конечно, навестите там: это прибавит ему жизни — так он способен теперь радоваться явлениям жизни бывалой.

От всего сердца обнимаю вас.
Неизменно и всею душою
преданный
П. Плетнев.

27. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

С‹анкт› П‹етер›б‹ург› 6/18 мая 1852

Вчера дошло до меня письмо Ваше, любезнейший князь, из Дрездена. Я усматриваю из него, что прибытие Ваше в Петербург не так близко, как я видел его в своих мечтах. Но ужели Вам и А. О. Смирновой не опротивели до сих пор эти немцы, которые нерешительностию своею и тупостию политических соображений гораздо противнее самых французов и даже англичан.[121]

Мне очень жаль, отчего Шевырев,[122] ожидая присылки брошюры Вашей,[123] давно не уведомил меня о том. Сегодня же я намерен послать ему не менее 550 экз‹емпляров›, а буде на почте не откажутся принять — и тысячу. До сих пор здесь продажею занимается один Крашенинников,[124] так как я отказал другим в уступке любимых им 20 процентов, а этот вызвался не брать в свою пользу ничего. У него продано— — — 250 экз‹емпляров›.

Дм‹итрий› Гавр‹илович› Бибиков [125] потребовал от меня только 100 экз‹емпляров›. Итак, денег пока собрано ровно — 70 руб‹лей› сер‹ебром›. К числу розданных много даром, о чем я уже писал Вам, прибавьте еще 4 экз‹емпляра›, посланные мною графу Д. Н. Блудову. Здесь, по желанию Вашему, я препровождаю 25 экз‹емпляров›.

Вторую книжечку Вашу издадим после сбыта первой. Тогда, вероятно, и сами Вы здесь же будете. На даче я уже видел, как все готовят к приезду Вашему.

Из новых стихотворений, не поспевших в изданное мною собрание, не поспела «Матросская песня». Что касается до упоминаемой Вами «Тройки» и «Стихов к А. Карамзину»,[126] я и понятия о них не имею. Вот новые доказательства, как неудобно, когда из-за границы не все идет в один ящик. Теперь и собрать это трудно. А от меня уж, конечно, и А. Карамзин и другие получили бы немедленно, если бы только Вы назначили.

При отпечатании посылаемых здесь Ваших стихотворений случилась беда, в которой я хоть и виноват, но не вполне. Вы написали ко мне от 9/21 марта, чтобы я не держался ортографии, жертвующей красотою рифмы в пользу требований Грамматики. Это предостережение на беду до меня дошло тогда, когда корректура стихов была мною подписана; корректор же типографии, где производилось печатание, как нарочно педантически держался Грамматики, а не рифмы. Мне, будто назло, и в голову не пришло поправить его. Вот отчего Вы и будете недовольны этим изданием. Зато мы все исправим при следующем.

Душевно преданный Вам
П. Плетнев.

От жены моей и от меня усерднейший поклон Ея Сиятельству.

28. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

Петербург. 31 октября 1853

Когда я думаю, сколько перемен произошло для меня в жизни со времени отъезда вашего за границу, любезный князь Петр Андреевич, то кажется, что бóльшая половина моей жизни прошла без вас. Горестные, незаменимые и навек невозвратимые утраты перемешались с событиями, которые должны бы порадовать растерзанное сердце мое. Но таково свойство омраченной души, что она теряет способность к радости. В один и тот же год я лишился Жуковского и моей Ольги.[127] Один был для меня какою-то звездою на горизонте моей жизни, другою дышало сердце мое. Без них я не способен к счастию. Между тем в этот же год родились у меня сын и внук.[128] Они перед моими глазами оба. Но любовь моя к ним не расцветает вместе с ними. Их будущее внушает мне какое-то сожаление: так жизнь представляется мне опасно-неверною.

Вне домашнего круга я везде страшно один и всем чужд и не нужен. Может быть, через четыре месяца господь пошлет нам еще дитя.[129] Но это, судя по

теперешнему моему унынию, едва ли прибавит мне счастья. Как я ни стараюсь убедить себя, что благое провидение избирает для нас лучшие пути, но пока душа не отрешилась от бренного тела и вскормившей его земли, нет сил и возможности перестать быть человеком, т. е. существом, опирающимся только на то, с чем он сросся. Вот и теперь, недавняя смерть барона Федора Корфа,[130] хоть он был из позднейших знакомых моих, снова потрясла меня несказанно. В конце нынешнего лета отправился он, изнеможенный чахоткою, в Монпелье[131] и там 14 сент‹ября› скончался.

Вашего возвращения я жду как возврата моей прошлой жизни. Единственное на земле существо, которому не чуждо мое прошлое, я так желаю отдохнуть при вас. Вы, конечно, будете ко мне снисходительны и не отвергнете меня. Вы спрашиваете, каково было для меня нынешнее лето. Все времена года теперь для меня одинаковы. Еще, может быть, в новых, лучших местах, где лелеет вас благодатное солнце, я и ожил бы душою на некоторое время. Но вообразите меня, одного, посреди толпы, овладевшей всеми тропинками около Лесного института: признаюсь, это почти хуже торговой бани, где еще можно спрятаться в каком-нибудь темном углу. И таковы-то все наши дачи. Неизбежность, однако же, так притупила во мне всю раздражительность, что я выучился уходить в себя и закрываться там равно спокойно или, по кр‹айней› мере, бесчувственно как в городе, так и на даче.

Вам писал уже Соболев,[132] что бумаг, о которых вы говорите в письме ко мне,[133] нигде не отыскали. Мне вы их не передавали. Постарайтесь припомнить, где бы напасть на них. Что касается до печатных книг, какие вам понадобились, все они отправлены будут с курьером в особом пакете через посредство Н. И. Любимова.[134] Граф Блудов, извещая вас о новом издании Жуковского, разумел издание тех его сочинений в стихах и прозе, кои не вошли в заграничное издание[135] и теперь хранятся у меня. Надобно однако ж сказать, что если граф Блудов не исходатайствует особого разрешения провести все это не через общую цензуру, то ничто нигде не будет напечатано. Я то же сообщил к сведению и жены Жуковского, которая поселилась на житье в Москве.[136] Новое издание Пушкина приготовляет Иван Анненков,[137] купивший на то право у наследников поэта. Брат его Павел Анненков, живущий в отставке, только что кончил биографию Пушкина, посвятив на это дело лет пять.[138] Он пустил в ход все до малейшей подробности, какую только можно было схватить в подлинных бумагах покойного, ему переданных как материал биографии. Все это очень полно и интересно, хотя лишено несколько литературного изложения. Лев Пушкин еще прошлой зимой умер.[139]

Крылова памятник не ставится еще, хотя уже кончен в отделке.[140] Булгарин вас рад всегда хвалить, когда печатает ваши стихи без спроса. За свою поживу он отплачивает вам дешевыми комплиментами.

О новом издании Гоголя тоже можно отложить попечение при строгости цензуры.[141] В найденных после него главах Мертвых душ есть прекрасные места. Граф Уваров переселился в Москву, а Ф. И. Тютчев снова утонул в большом свете.

Прошу вас, любезнейший князь, передать мое и жены моей усерднейшее почтение княгине Вере Федоровне.[142]

Хоть изредка, не оставляйте меня в неведении о вашем здоровье и занятиях ваших.

Душевно преданный вам
П. Плетнев.

29. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

С‹анкт› П‹етер›б‹ург› 16/28 февраля 1854

Я очень понимаю, милый князь Петр Андреевич, как скучно вдали от своих, когда ничего о них не слышишь и когда, к большему огорчению, не получаешь от них ответа на свои письма. Надобно с грустию сознаться, что последнее у нас почти в обыкновении. Так, помню, Жуковский беспрестанно жаловался на это. У нас как-то трудно любить заочного. На меня, впрочем, не можете вы жаловаться. Если бы мог я думать, что хоть маленькое развлечение доставляют вам письма мои, я, и не дожидаясь ответов ваших, писал бы к вам регулярно. Так у меня заведено было с Жуковским, что можете усмотреть из его писем, помещенных мною в его биографии.[143] Не знаю только, доставил ли вам ее Соболев. А уж на письма ваши я исправно отвечал всегда. Что касается до утраты здесь бумаг ваших, я думаю, что все это отыщется, лишь только вы сюда

воротитесь. Соболеву трудно их найти. Вы же не должны прекращать и останавливать благодатный урожай вдохновения, когда, по милости Божией, наконец оно на вас налетает так часто. Все, что ни написали вы за границею, с восторгом принимается здесь читателями, из какого бы ни был кто круга. Не говорю уже о себе: если бы меня и одного при вас оставили не наши, я любил бы по-прежнему каждую вашу строку и каждое словечко. Думаю, что в этом не пристрастие действует, а натура. Ею люди разделены на определенные кружки согласно их психическому настроению. Так называемые *приходы* не умышленное дело, а самое естественное явление. Недаром же говорят: «Скажи, кто твой друг, тогда я скажу, кто ты такой». Но и это оставляя в стороне, не могу не сказать, что за границею муза ваша как-то встрепенулась, приободрилась, окрепла и запела так, как мы ее слыхали во дни оны, в лучшую эпоху нашей жизни. Не то же ли было и с Жуковским? Если бы последние 10 лет не провел он в тишине маленького своего общества,[144] не получить бы нам и половины и даже четверти того, что написал он за границею. Я вывожу заключение, что для успехов в поэзии надобно в молодости жить посреди избранного, блестящего общества, а в преклонных летах почти совсем уединенно и оживляться достойною беседою и только изредка.

Вы не понимаете, откуда попадают стихи ваши вместо Инвалида, в Пчелу.[145] Я еще менее могу разрешить эту задачу. Кроме вас, никто не знает, кому вы отсылаете каждое новое стихотворение первому. Инвалидчик Корф прошлою осенью умер бедный, в Монпелье, а похоронен в Париже.[146] Его съели чахотка и бедность. Не лучше ли вам завести постоянное, но одно бюро, куда бы присылались все новые произведения ваши? Однажды навсегда могли бы объявить вы, что желаете с ними делать. Теперь их хватают на шаромыгу и здесь и там, тогда пошло бы иначе: вы из них могли бы даже сделать некоторую статью хоть небольшого дохода, для покупки, например, сигар, которых всегда более выкуривается во время письменной работы. Если бы это бюро пожелали вы устроить хоть в моем кабинете, уж конечно можете быть уверены, что порядок заведется во всем отличный: во 1-х, все, кому пожелается вам, получат по экземпляру, во 2-х, непременно там напечатано будет, где вы назначите, в 3-х, получатся деньги, какие только вытормошить можно из жидовских карманов издателей.

Я было поспешил Современные записки[147] ваши послать к Цесаревичу,[148] но Е‹го› В‹ысочество› обратно прислал их мне с надписью: «Я уже читал их; они мне очень нравятся» — вот тут я и остался с носом. А еще Бог весть, по исправному ли списку сообщено было это преждевременное чтение.

Не пропустите в № 37 Сев‹ерной› пч‹елы› 1854 стихов, которые, как слышно, написал наш Соболевский.[149] Они очень и походят на него. Теперь такое наводнение стихов, что без новых не проходит и дня. Вчера я отправил к Его Высочеству стихи Майкова Клермонтский Собор.[150] Для меня это прелесть, особенно описательная часть.

Тютчев согласился на издание полного собрания своих Стихотворений, чем распоряжаются Тургенев (возвращенный из деревни), Панаев и Некрасов. Они тиснут их сперва в Современнике, а потом выпустят отдельною книжкой.[151] Тютчев, при начале войны,[152] очень недоволен был безучастием света в делах политики, а теперь я его и не вижу: потонул в салонах.

Благодарю вас и добрую Княгиню за память о моей семье. Помяните ее около 25 февр‹аля›. Это будет день ожидания у нас нового пришельца в мир.[153]

Душевно преданный вам

П. Плетнев.

30. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

С‹анкт› П‹етер›б‹ург›. 9/21 апреля 1854

Начну с того, о чем бы давно должен был написать Вам, любезнейший князь Петр Андреевич: мне Господь дал еще сына, которого мы назвали Алексеем. Это случилось 21 февр‹аля›, т. е. в последнее воскресенье на масляница. Жена была довольно пока здорова. Только теперь показалось у нее несколько нарывов в ухе, что очень беспокойно и по временам мучительно. Здоровье ребенка удовлетворительно. Когда я посмотрю на этих трех мальчиков в моем доме и вспомню, что вы ни одного из них еще не видали, то с горестию чувствую, как давно вы не на родине.

Все поручения ваши я исполнил с буквальною точностью. Прежде всего я при-

гласил к себе Ф. И. Тютчева и прочитал ему как письма Ваши, так и присланные Вами для издания особой книжкой стихотворения. Он нашел, что одну только поправку можно сделать в стихах, а именно: *На 1854 год*, после стихов:

Пусть их мятутся своевольно,
Корыстной личности рабы,

лучше, по его мнению, следующие за тем стихи соединить с этим в одно управление так:

И ты, лжемудрый ум, крамольно
Признал себя царем судьбы.[154]

Других перемен не нашел он нужными, что мною и исполнено. Цензура ни на чем не остановилась без всякой протекции. Издание вышло, по моему мнению, прекрасное: формат — самая большая осьмушка; я разогнал все на два листа, или 32 страницы. Выпуск последовал, как Вам было желательно, к Страстной неделе. Следуя совету Вашему, я пустил книжку по самой малой цене, 20 к. с., что напечатал и на обертке, с пояснением, что издание все предоставлено в пользу раненных на войне и осиротевших семейств. Всего напечатано мною 3 т. экземпляров.

Четыре первых экземпляра, от Вашего имени, я поднес Государю Цесаревичу; который, приняв их с особенным благоволением, поручил мне Вас поблагодарить за милый подарок. Затем два экземпляра, при письме, я отправил к Д. Г. Бибикову, уведомив его о Вашем предположении, не почтет ли он за приличное распространить часть издания по губерниям. Немедленно он письмом же отвечал мне, благодаря за присланные экземпляры, и уведомил, что, по соображении в министерстве, даст мне знать, сколько прислать экзем‹пляров› для губерний. Я теперь пока ожидаю его уведомления. Более сего я не почел себя вправе раздаривать экземпляры, назначенные Вами в помощь воинам, — да и цена их такая, что никому не убыточно самому приобрести.

Печаталась книжка у известного Вам Трея,[155] под заглавием, Вами же придуманным: К ружью! Он взял за бумагу, за набор, печатание, обертку и брошировку всех 3 т. экземпляров только 97 р. 72 к. с‹еребром›, которые г. Соболев уже и заплатил ему. Так как книгопродавцам не из чего уступать процентов на Комиссию, то я решился спросить у Крашенинникова, не согласится ли он, для чести магазина своего, продавать это патриотическое издание безмездно. Он охотно вызвался на то — и в течение страстной недели уже продал, до публикации, 150 экз‹емпляров›, взнесши за них наперед все 30 р.

В эту книжку не успели попасть только самые последние стихи Ваши, сегодня мною полученные: Не помните?[156] А жаль, что опоздали. Они прелестны по оригинальности, игривости и — более всего по неотразимой истине. Напишите мне, не напечатать ли их? где? и можно ли с именем Вашим? Об этом прошу Вас уведомить меня и на будущее время, так как, благодаря врагов ваших, муза Ваша взялась не на шутку за свое дело. Также известите меня, не прислать ли Вам книжек К ружью!; сколько экзем‹пляров› и под каким адресом. Об отправлении я буду просить Н. И. Любимова.

Если бы Вы были здесь, Вы не нарадовались бы на этот Русский народ. Ум и сердце у всех носят одну мысль и одно чувство: во что бы то ни стало отстоять батюшку-царя и матушку-Россию! А между тем везде спокойствие, исполнение долга и ни малейшей боязни! Пожертвования так и льются отовсюду! Едва успеют выговорить, каких людей нужно для какой-нибудь специальной службы (наприм‹ер›: гребцов для гребной флотилии) — откуда они явятся: девать некуда! Предчувствую, что быть тут чуду.[157]

Наше почтение Княгине.

Душевно преданный Вам

П. Плетнев.

31. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

С‹анкт› П‹етер›б‹ург›. 4/16 октября 1854

Где вы, любезный князь Петр Андреевич? Давно нет от вас ни стихов, ни прозы. Я даже не умею сделать вам и адреса.[158] Вот мы опять в городе, а вы еще на полгода покинули нас. Вам хорошо, но каково-то нам.

Стихи Докучаева[159] не попались в печать, частию оттого, что это ведь не ваши, а частию и от перемен событий: газетчики сделались брюзгливы.

На днях из числа сочленов наших по Второму Отделению Академии наук еще один отошел в вечность. Это Бередников,[160] которого я любил за душу его, младенчески чистую и простую.

Умоляю вас пользоваться свободою вашей, чтобы обдумать и начать род Сказания о прошедшем периоде литературы нашей.[161] Без того погибнет в ней самое занимательное и самое назидательное.

Об этом же говорю я и Тютчеву. Он человек мыслящий. Вы теперь в такой стороне, где можно все достать и начитаться. Воспользуйтесь этим выгодным своим положением. Тут дело не в справках о годах и заглавиях, а в суде и рассмотрении того, что все видели. Такую историю можно писать, не заглядывая в книги. Надобно только явления литературы связать с действиями некоторых лиц в администрации и в гражданственности.

Душевно преданный вам

П. Плетнев.

32. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› ‹14 февраля 1856›

Завтра вечером Севастопольский Толстой читает у нас новое свое произведение.[162] Милости просим.

33. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› 19 февраля ‹1856›

Сделайте одолжение, любезнейший Петр Александрович, выучите меня, что сделать по этому письму и какой дать ему ход. А также потрудитесь, в память Гоголя, поделиться со мною чтением рукописей его, высланных сюда московскою цензурою, — и после переговорим с Вами о том, что нужно будет принести в жертву и что следует отстоять.

Душевно Вам преданный

Вяземский.

34. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› ‹23 февраля 1856›

Приезжайте ко мне завтра обедать (в пятницу) в пять часов, и вечером прочтем вместе рукопись Гоголя.

Душевно Вам преданный

Вяземский.

35. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

С‹анкт› П‹етер›б‹ург›. 4 февраля 1858

Милостивый Государь

Князь Петр Андреевич!

В воспоминание дня основания здешнего университета, 8 сего февраля в субботу, в час пополудни, назначен в нем публичный Акт. Совет университета поручил мне, как Ректору, почтительнейше известить о сем Ваше Сиятельство и выразить, что он вменит себе в особенную честь, если этот Университетский Акт удостоен будет Вашего посещения.

Я с своей стороны почитаю долгом довести до сведения Вашего, что 20 января сего года Совет Университета, желая выразить полное свое уважение к неизменному сочувствию Вашего Сиятельства к ученым занятиям и лицам ученого сословия, единогласно избрал Вас в Почетные члены Императорского Санктпетербургского Университета.

С отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейшим слугою

П. Плетнев.

36. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› ‹3 апреля 1858›

При сем письмо Г-жи Зонтаг[163] на будущее время.

Нужно напечатать в таком порядке: Посвящение. Палестина. Одно сокровище. Уныние. Остафьево. Числа выставлять, где они назначены. Дать общее заглавие: Пять стихотворений К. Вяземского. Желаю, чтобы все напечатано было в одной книжке.[164] Если можно и не слишком будет убыточно для Академии, то желал бы иметь сто отдельных оттисков на хорошей бумаге. Все это передайте П. Давыдову,[165] который стихов моих ждет. Потрудитесь просмотреть корректуру. Я все еще не здоров и завтра в заседание быть не могу.[166] Заявите о том.

В.

37. ВЯЗЕМСКИЙ — ПЛЕТНЕВУ

‹Петербург› ‹24 декабря 1859›

Писемский читает у меня свою драму сегодня.[167] Милости просим пожаловать в десятом часу или и ранее.

Душевно Вам преданный

Вяземский.

38. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

С‹анкт› П‹етер›б‹ург›. 20 апреля 1861

По приказанию Вашего Сиятельства имею честь представить полный список лиц, принадлежащих Академии и участвовавших в праздновании Юбилея 2-го марта.

1. Граф Д. Н. Блудов
2. Князь С. И. Давыдов [168]
3. К. С. Веселовский [169]
4. А. Я. Купфер [170]
5. М. В. Остроградский [171]
6. В. Я. Буняковский [172]
7. А. Х. Востоков [173]
8. П. А. Плетнев
9. М. П. Погодин [174]
10. Н. Г. Устрялов [175]
11. Б. С. Якоби [176]
12. М. И. Броссе [177]
13. Ю. Ф. Фричше [178]
14. И. И. Срезневский [179]
15. А. В. Никитенко
16. Я. К. Грот
17. П. Л. Чебышев [180]
18. А. А. Куник [181]
19. Д. М. Перевощиков [182]
20. Н. И. Железнов [183]
21. П. П. Дубровский [184]
22. Н. И. Кокшаров [185]
23. В. В. Вельяминов-Зернов [186]
24. П. С. Билярский [187]

39. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

Paris. $\frac{\text{28 мая}}{\text{9 июня}}$ 1864

Сию минуту принесли мне письмо Ваше,[188] Князь Петр Андреевич, и я спешу послать Вам как ответ, так и первые стихотворения Ваши. Спешу потому, что все уже меня ждет к отъезду на дачу, которой адрес в первый раз я выставил на этом письме.[189]

Ради бога не оскорбляйтесь искренностью отметок моих. Конечно, их не много: зато я не оставил ни одного стиха без моей отметки, если только по совести признавал это нужным. Но все ограничивается или перестановкой слов, или заменою одного выражения другим. А чтобы Ваша рукопись напрасно не пострадала от моих, может быть, и не нужных поправок, я их написал на отдельном листке. Меня успокаивает то, что в Ваших тридцати стихотворениях я встретил только пятнадцать мест к исправлению.

Что касается до пересылки Вам Катулла,[190] я постараюсь это исполнить, лишь найду возможность. Надобно предупредить Вас, что мы взяли дачу довольно далеко от Парижа, и сообщение с последним не совсем удобно.

Мое здоровье все в одном положении. Надежда моя теперь более на силы и крепость моей натуры, нежели на помощь медицины.

Прощайте, князь Петр Андреевич, и выздоравливайте совсем.

Княгине от жены моей и от меня тысячу приветствий.

Душевно преданный Вам

П. Плетнев.

40. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

Paris. 8/20 июня 1864

Я позволю себе, князь Петр Андреевич, перестановку слова *было* в первом стихе первой тетради Вашей на том основании, что в Русском языке все прибавочные, подобно этому, слова теряют над собою ударения, как бы становясь неотдельною частью того слова, к которому они приставлены.

Так, мы говорим:

Я-было позабыл; когда-нибудь приду; где-бишь он живет. Если это справедливо, то для Вашего шестистопного стиха великий выигрыш, что при моей перестановке, в том и другом полустишии, самое ощутительное ударение будет слышимо на средней стопе полустишия. Впрочем, все это дело привычки слуха. Хоть в Академическом Словаре [191] сказано неопределенно, что прибавочное *было* становится при глаголах, но я, признаюсь Вам, готов более слушаться общего употребления, а в стихах законов музыки.

Вот и вторую тетрадь имею честь возвратить Вам. Я ее, так сказать, проглотил. Особенная прелесть ее, кроме очарования стихов, самое разнообразие предметов. Мне было не на чем и останавливаться в ней. Если я решился отметить восемь стихов, так единственно для того, чтобы Вы не подумали, что я просто пересылаюсь с Вами без чтения.

Состояние моего здоровья как будто остановилось на одной точке: я не слабею, напротив, кажется, становлюсь крепче. Но вся беда в том (и Нелатона [192] это сокрушает), что образование в груди ма-

терии и ее течение нисколько не уменьшается. О, какое нужно терпение, чтобы дождаться конца! Наступит ли когда-нибудь время, чтобы мы наконец возвратились здоровыми в отечество? Впрочем, Вам легче меня переносить нынешнее отчуждение от родины. Вы работаете, и сколько уже конченных трудов! В России едва ли бы дали Вам столько свободного времени для этих милых и благородных занятий.

Потрудитесь передать от меня и жены моей тысячу самых искренних добрых желаний Княгине.

Душевно преданный Вам

П. Плетнев.

41. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

Париж $\frac{13}{25}$ июня 1864

Вот и третья тетрадка Ваша готова, Князь Петр Андреевич. Я прочитал ее с таким же наслаждением, как и прежние, несмотря на то, что в ней так много мест, покрытых мрачными красками. Удивительно, сколько теперь разнообразия и обилия самых оригинальных мыслей в поэзии Вашей. Я уж не говорю о том уже, какая неистощимость в творчестве. Еще, говоря о Жуковском, я заметил, что, оставшись последние одиннадцать лет в России, никак не мог бы он обогатить литературу нашу такими сокровищами, какие накопились у него в заграничной жизни. Думаю, что безошибочно то же можно сказать и о Вас. Значит есть что-то у нас противодействующее умственным занятиям. Если бы не было грешно, как не пожелать бы, чтобы лучшие поэты наши почаще и подолее жили за границею.

Я очень желаю знать, есть ли для Вас в Меране [193] какое-нибудь общество?

До новой тетрадки.

Душевно преданный Вам

П. Плетнев.

42. ПЛЕТНЕВ — ВЯЗЕМСКОМУ

Париж. 3/15 августа 1864

Сегодня я получил письмо Ваше, Князь Петр Андреевич, из Крейцнаха [194] и спешу отвечать на него, равно как и на прежние два, полученные из Мерана, препровождая при сем три тетрадки стихотворений Ваших с ничтожными моими замечаниями. Вы, как мне кажется, как нарочно, к концу подобрали все такие стихотворения, которые, вместо вызова замечаний, возбуждают только одно наслаждение поэзиею.

Вы приводите один стих: «С медоточивых лип давно слетели пчелы», о котором я сказал, что он непонятно темен. Но так, как он есть, теперь я нахожу его не только не темным, но прекрасным. Может быть, в окружающих его выражениях нашел я тогда темноту, а может быть и то, что прочитал его с какою-нибудь случайною рассеянностию.

На днях я писал к В. П. Титову,[195] прося его повергнуть поздравления мои молодой королеве Виртембергской.[196] В ответе своем мне он уведомил меня, что Вы, в проезд свой в Крейцнах, пробыли с ним два дня и что он очень доволен и читанными ему стихами Вашими и Вашим здоровьем. Это мне доставило сердечное удовольствие. Но как передать Вам то удовольствие, или, вернее сказать, то глубоко растрогавшее меня ощущение, которое отозвалось в моем сердце, когда я читал Ваши стихи, посвященные мне и Ф. И. Тютчеву? [197] Вы приобщили меня к той плеяде, на которую я всю мою жизнь только любил смотреть, восхищаться ею, но никогда и на мысль мне не приходило воображать себя в ней. Одно долголетнее и неизменное благорасположение Ваше ко мне заставило Вас видеть во мне как бы принадлежащего к Вашему кругу. Благодарю Вас сердечно за этот драгоценный ко мне знак дружелюбия. Все это стихотворение, вылившееся прямо из Вашего сердца, вносит в поэзию нашу очарование вновь созданных выражений.

Что наблюдал мой ум, что на сердце печально,
Иль светлым заревом цветных богатых снов,
Ложилось в тайные минуты вдохновенья,
О чем мне плакалось — — и проч. и проч.[198]

Такой язык мог родиться только от силы и полноты ощущений: не выберешь его из столбцов даже академического лексикона.

А 12-ое июля 1854 [199]? Эта соседка предыдущей пьесы? Кажется, сблизив их, Вы желали всего себя вывести на беспристрастный суд потомства — и оно не только поклонится Вам как поэту, но и полюбит Вас как человека. Сколько самой тонкой наблюдательности ума и сердца в этих двух беспримерных характеристиках Ка-

рамзина и Жуковского! Как они обе дышат истиною, полнотою и особою, как бы классическою отделкою! Да! все это не одни стихи да рифмы; это творчество высшей, самой назидательной истории.

Ничего нового не могу прибавить Вам о себе: легонькое как бы улучшение в общем состоянии организма; но все по-прежнему необходимы для обеих ран инжекции.

Прошу Вас передать от жены моей и от меня глубочайшее почтение Княгине Вере Федоровне.

Душевно и неизменно
преданный Вам
П. Плетнев.

*

[1] Сочинения и переписка П. А. Плетнева в 3-х т., т. 3. СПб., 1885, с. 382—518. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

[2] Известия ОРЯС, 1897, т. 2, кн. 1, с. 90—99.

[3] ЦГАЛИ, ф. 195, Вяземские, оп. 1, № 2551; ф. 501, Тургеневы, оп. 1, № 171: письмо от 30 марта 1843 г.

[4] ИРЛИ, ф. 28.204, собр. А. Ф. Онегина, арх. В. А. Жуковского; ЦГАЛИ, ф. 501, Тургеневы. оп. 1, № 171; ф. 195, Вяземские, оп. 1, № 1301; ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, № 136.

[5] Из письма А. И. Тургенева от 21 апреля 1839 г. — Остафьевский архив князей Вяземских. IV. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1837—1845. СПб., 1899, с. 71.

[6] *В. Э. Вацуро.* А. С. Пушкин и П. А. Плетнев. — В кн.: Переписка А. С. Пушкина в 2-х т., т. 1. М., 1982, с. 73—74.

[7] *М. И. Гиллельсон.* Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842—1852). — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1979. Л., 1980, с. 34.

[8] *Н. М. Карамзин.* Избранные произведения в 2-х т., т. 2. М.—Л., 1964, с. 230.

[9] См.: Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933, с. 29, 39—40.

[10] После романа И. С. Георгиевского «Евгения, или письма к другу», который он издал вместе с Кюхельбекером в 1818 г.

[11] Речь идет о заметке кн. Вяземского «Об издании стихотворений В. Л. Пушкина», напечатанной в № 46 «Сына отечества» за 1821 г., с. 284—286.

[12] См.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. — СПб., 1866, с. 312, 332, 336, 337; Сочинения В. Л. Пушкина. СПб., 1893, с. I—III.

[13] ЦГАЛИ, ф. 195, Вяземские, оп. 1, № 2551.

[14] Сопоставление ряда фактов дает основания для заключения о наиболее вероятной дате написания письма: август—ноябрь 1821 г. Приведем свои обоснования. В «Сыне отечества» (ч. LXXIII, № 46) за 1821 г. Вяземский опубликовал заметку «Об издании стихотворений В. Л. Пушкина», в которой, наряду с общей оценкой творчества Пушкина, отметил как вполне решенное и принцип (жанровый) распределения стихотворений по трем частям, и то, что «издание сие сделано будет на лучшей любской бумаге» (Сын отечества, 1821, ч. LXXIII, № 46, с. 286). Это же следует из письма Плетнева от 6 января 1822 г.: «Объявление напечатано <...>, типография приискана, бумага выбрана <...>» (*3*, 383). Тем самым исключается вероятность написания письма в 1822 г. Между тем в недатированном письме Плетнева еще только ставится вопрос, «какую предпочесть бумагу для такого щеголя, каков Василий Львович», дается черновой подсчет возможных расходов по изданию: 1405—1555 р. (в письме от 6 января 1822 г. Плетнев увеличил предполагаемую сумму до 2000 р.), т. е. очевидно, что по времени письмо опережает объявление Вяземского в «Сыне отечества». 2 августа 1821 г. Карамзин извещал И. И. Дмитриева: «Скажи, любезнейший, Василью Львовичу, что императрица Елизавета подписывается на его сочинения; верно, подпишется и Мария Федоровна» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 312). Видимо, Карамзин был в курсе успешных хлопот Плетнева. Если учесть, что номер «Сына отечества», в котором появилось объявление Вяземского, вышел в декабре, то дата письма уточняется: август—ноябрь 1821 г.

[15] См.: Поэты 1820—1830-х годов в 2-х т., т. 1. Л., 1972, с. 737. Здесь приводится дополнительная аргументация в пользу того, что идея просить Плетнева принять на себя хлопоты по изданию сочинений В. Л. Пушкина могла принадлежать А. И. Тургеневу, который и свел его с Вяземским (отсылка к «Остафьевскому архиву», т. 2, с. 221 — письмо Вяземского к Тургеневу от 27 октября 1821 г.).

[16] Соревнователь просвещения и благотворения, 1822, кн. 2, ч. XX, с. 217.

[17] К концу 1822 г. относится и «признание» его Пушкиным. См.: *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. 13. М., 1937, с. 53 (письмо Плетневу от ноября—декабря 1822 г. из Кишинева).

[18] Издание вышло в 1824 г. в трех томах. Подробнее история участия Плетнева в этом издании изложена нами в статье «П. А. Плетнев. Письма к В. А. Жуковскому» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 г., Л., 1984, с. 114, 118).

[19] Из письма Пушкина брату и Плетневу от 15 марта 1825 г. — *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 153.

[20] См. письмо Плетнева к Вяземскому от 14 октября 1826 г. — Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 386.

[21] Сочинения Озерова, ч. 1—5. Изд. 5-е, доп. и сверенное по рукописям автора, СПб., 1828 (к 3-й части приложена статья Вяземского «О жизни и сочинениях Озерова»).

[22] См. письмо Плетнева к кн. В. Ф. Вяземской от 27 февраля 1861 г.: «Ныне ровно сорок лет, как я в первый раз введен был в кабинет князя <...>» (*3*, 483).

[23] *М. И. Гиллельсон.* П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 180—185.

[24] Там же, с. 181—182. Письмо Плетнева от 6 апреля 1831 г., видимо, было не первым.

Вяземский обратился к нему еще в январе 1831 г.

[25] Известия ОРЯС, 1897, т. 2, кн. 1, с. 93. «Безответное горе» — каламбур Вяземского, который, отдав свой перевод «Адольфа» на просмотр Дельвигу и Жуковскому, не получил от них своевременного ответа.

[26] См. письмо № 5 и прим. 51. Активное сотрудничество Вяземского в «Московском телеграфе» в первые годы его существования прерывается в конце 1827 г., когда, по замечанию исследователя, «начинается новый период в истории „Московского телеграфа“: он превращается в открыто антидворянское издание, выразителя интересов русской буржуазии» (*В. Г. Березина и др.* История русской журналистики XVIII—XIX веков. М., 1966, с. 199).

[27] Письма Тургенева были адресованы Вяземскому, которому Пушкин за недосугом поручил подготовку их к печати. Появившись в «Современнике» без разрешения автора и без необходимой литературной обработки, письма подверглись насмешливой критике Белинского. Все это не могло не вызвать негодования Тургенева, направленного в первую очередь на Вяземского как адресата и редактора «Хроники русского».

[28] См.: Новонайденный автограф Пушкина. М.—Л., 1968, с. 58—119. Монография Вяземского «Фонвизин» была закончена в 1832 г., но осталась неопубликованной, за исключением 7-й главы «О нашей старой комедии» (в альманахе Е. Ф. Розена «Альциона» на 1833 г., с. 187—229).

[29] В конце 1846 г. Плетнев передал право на издание «Современника» Никитенко и Некрасову с Панаевым с условием ежегодно получать от новых издателей 3000 р. С 1 января 1849 г. по новому постановлению правительства ректор освобождался от чтения лекций. Обязанности Плетнева в университете сводились теперь к посещению лекций других профессоров, составлению ежегодных отчетов.

[30] ГБЛ, Погодин, II.24.55, л. 16 об.

[31] *М. И. Гиллельсон.* П. А. Вяземский..., с. 350.

[32] Речь идет о Вольном обществе любителей российской словесности, которое нередко называли и Обществом «соревнователей» (по издаваемому ими журналу «Соревнователь просвещения и благотворения»). 20 октября 1819 г. в возрасте 27 лет Плетнев становится его членом. Причем инициатива принятия его в члены исходила, видимо, от Ф. Н. Глинки, занявшего к тому времени пост председателя. Об этом свидетельствует сохранившееся во «Входящих бумагах» Общества за 1819 г. письмо Плетнева от 27 октября: «Я имел удовольствие получить чрез г. Никитина лестное для меня приглашение ваше в Общество любителей словесности. Дорого ценя ваше доброе обо мне мнение, я всеми мерами буду стараться заслужить оное не по одному снисхождению вашему, а по справедливости» (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 3, л. 352). Продвижение Плетнева от рядового сотрудника к должности редактора «Соревнователя» было поистине молниеносным. 10 ноября, т. е. уже через месяц после вступления, Плетнев был произведен в действительные члены, а на отчетном собрании 29 декабря вместе с Дельвигом и П. Кеппеном был избран в состав цензурного комитета Общества. На заседании 15 марта 1820 г., когда произошло резкое размежевание членов в связи с обсуждением статьи В. Каразина «Об ученых обществах и периодических сочинениях в России», напечатанной им без предварительного обсуждения на чрезвычайном заседании, как предполагалось, Плетнев выступил на стороне тех многих членов, которые нашли рассуждение Каразина «весьма оскорбительным для Общества» (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 26, л. 70). История эта с явным оправданием Каразина изложена в бумагах Д. Хвостова и И. Лобойко. В протоколе заседания 15 марта зафиксировано, что Плетнев, Дельвиг, Кюхельбекер и многие другие «читали свои мнения», однако эти бумаги не сохранились в архиве Общества, так как после предложения Цертелева, Хвостова, Лобойко, Сомова, Измайлова и других «прекратить все несогласия истреблением самых памятников раздора» (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 4, л. 274) были, видимо, изъяты из дел и уничтожены. Однако даже не имея возможности конкретизировать эпизод мартовского заседания, мы представляем себе позицию Плетнева, солидаризовавшегося с демократическим ядром Общества. Во вторую половину 1820 г. Плетнев исполнял обязанности цензора библиографии, а на первую 1821 г. был избран цензором поэзии. Но эта последняя должность исполнялась им крайне недолго. Создавшееся критическое положение в Обществе в связи с изданием «Соревнователя» требовало от членов оперативных решений по избранию нового цензурного комитета во главе с секретарем, которым и становится Плетнев. Еще до официального избрания на пост секретаря цензуры и комитета — ввиду ухода И. А. Гарижского — редакция журнала фактически перешла в руки Плетнева, т. е. уже в начале 1821 г., а не с его середины, как полагают. Это подтверждается официальным документом — обращением секретаря Общества Никитина к бывшему секретарю цензуры и комитета Гарижскому от 24 февраля: «На основании журнала 21 февраля честь имею уведомить вас, что Общество до избрания секретаря цензуры и комитета на ваше место поручило издание журнала и производство дел комитета мне, а держать корректуры г. цензору поэзии П. А. Плетневу» (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 37, л. 71). Никитин, обремененный массой текущих дел, не мог всецело отдаться издательской работе. Видимо, явное и живое участие в делах журнала Плетнева побудило «соревнователей» изменить установленному порядку и 28 марта на чрезвычайном заседании пригласить Плетнева формально занять должность, фактически уже исправляемую им. Деятельность Плетнева еще более активизируется. Он не только регулярно посещает заседания, но берет (вместе с Дельвигом) на себя основную часть труда по цензуре произведений сочленов и ввиду довольно частого отсутствия Глинки в собраниях исполняет обязанности председателя. 27 сентября Плетнев представляет на рассмотрение членов план журнала на будущий 1822 г., который и был утвержден. Он включал 4 отделения: Науки, Критика, Литература, Смесь. Подчеркивалось преимуще-

ственно русское, национальное направление журнала и ориентация на тщательный выбор произведений. Раздел критики предполагался редактором «для разбора по теории вкуса лучших сочинений, как отечественных, так и иностранных, произведений отличных художников и вообще всего того, что может быть предметом вкуса» (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 5, л. 412). Во второй половине 1822 г. обстановка в Обществе резко меняется, а опубликованная анонимно в первой книге «Соревнователя» на 1823 г. статья по поводу альманаха «Полярная звезда» послужила видимой причиной к размежеванию членов. Статья эта принадлежала перу Плетнева. Задумана и написана она была уже в конце 1822 г. Маловероятно, чтобы Плетнев опубликовал ее, воспользовавшись правами редактора и не отдав предварительно на суд кого-либо из сочленов. В противном случае кто и как мог раскрыть его авторство? Скорее всего Плетнев имел единомышленников среди «соревнователей»; в их числе, очевидно, были Гнедич, Дельвиг, Глинка. Кроме того, отзыв Плетнева отнюдь нельзя счесть оскорбительным для издателей «Полярной звезды», как это было представлено Гречем в заседании 29 января 1823 г. В последнем полугодичном заседании Общества 30 декабря 1822 г. Плетнев был избран только кандидатом в цензоры поэзии. Его же место на посту секретаря цензуры и комитета занял О. Сомов. История Общества подробно рассмотрена в фундаментальной монографии В. Г. Базанова, однако попытка исследователя представить факт внутреннего брожения в Обществе в конце 1822 г., смещение Гнедича с поста вице-президента, самоустранение Глинки как результат действий Плетнева и Дельвига вызывает сомнение. «Именно они, — Плетнев и Дельвиг, — писал В. Г. Базанов, — организовали оппозицию и чуть не сбили с толку Гнедича и Глинку» (*В. Г. Базанов.* Ученая республика. Л., 1964, с. 295). Думается, не последнюю роль во всей этой истории сыграл Греч, занявший место Гнедича на посту вице-президента Общества. Журнал распоряжений Вольного общества на 1823 г. дает полное представление о разыгравшемся на чрезвычайном заседании 29 января скандале. Впрочем, скандалом его можно назвать только отчасти, так как собрание явно было представлено из сторонников одной партии, защищавших Рылеева и Бестужева, а весь ход его тщательно подготовлен. Протокол заседания — это, по сути, монолог Греча, который не встречает возражений со стороны присутствующих. Поступок бывшего редактора осужден как «самовольный», и собранию предложено «подтвердить закон, чтобы в „Соревнователе“ печатаемы были только статьи, кои прочтены и избраны Обществом и назначены в книжки цензурным комитетом» (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 29, л. 20). Однако в бумагах Общества за 1822 г. сохранился документ за подписью Плетнева, оправдывающий его единоличное распоряжение с поступающими сочинениями, тем более со своим: «Во время собрания комитета г. Секретарь донес, что у него нет налицо пиес для рассмотрения. Посему комитет определил, чтобы г. Секретарь по возможности сам исправлял поступающие пиесы, если невозможно будет без остановки печатания журнала откладывать их до другого собрания комитета» (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 6, л. 442). Отстранение от дел Плетнева прежде всего было на руку Гречу. Публичный выпад против него издатель «Сына отечества» мотивировал «недостойным» поведением бывшего редактора «Соревнователя». В действительности соображения Греча были более прозаическими. Как издатель журнала он был заинтересован в материальных выгодах от своего предприятия. Конкурентная борьба среди журналистов побуждала его ослабить влияние «Соревнователя», переманив часть его сотрудников. Этого можно было достичь, скомпрометировав в глазах членов «ученой республики» его редактора. Поводом послужила критика Плетнева на «Полярную звезду», поддержать которую было выгодно Гречу: во-первых, он приобретал достойных сотрудников, во-вторых, альманах, выходивший раз в год, не представлял серьезной угрозы для «Сына отечества». Насколько это Гречу удалось, свидетельствует отчет Никитина за 1823 г.: «Больно было видеть, что лучшие статьи, украшавшие в течение сего года другие журналы, составляли произведение членов, между тем как Общество, отказавшись уже от славы помещать в „Соревнователе“ отборные произведения, должно было довольствоваться весьма посредственными и те собирать по столице от людей совершенно посторонних» (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 5, л. 5). Резко ухудшившееся положение дел Общества: сокращение числа подписчиков на 200 человек, постоянная неисправность в доставке книг иногородним пренумерантам, неисправность издания «Соревнователя», отсутствие достойных статей для его наполнения — всего того, за чем должен был надзирать цензурный комитет во главе с секретарем, — показывало несвоевременность и ненужность устранения от дел Плетнева. Это хорошо понял Сомов, не справлявшийся с отчетностью и просивший Общество уволить его от должности на новый год. Просчеты его как материально ответственного лица обнаружились позднее, в 1824 г. Вывод В. Г. Базанова о том, что «в самый критический момент, когда не было уверенности в завтрашнем дне, „ученую республику“ снова спасли от развала декабристы, они отстранили Греча от вице-президентства, наладили отношения с Глинкой и дружно принялись за восстановление Общества» (*В. Г. Базанов.* Указ. соч., с. 312), не подкрепляется фактами. Создание «домашнего комитета», куда вошли Н. Бестужев, Кутузов, Сомов, Рылеев, Аничков, Корнилович, с целью упорядочения издания «Соревнователя» следует рассматривать как единственно возможное средство ликвидации последствий собственной нерасторопности и халатности. И Сомов, и Рылеев, и Корнилович занимали ведущие посты в «ученой республике» (Рылеев и Корнилович — члены цензурного комитета, Сомов — секретарь цензуры и комитета). На отчетном собрании 29 декабря 1823 г. произошло не только размежевание декабристов с Гречем, но было предложено Плетневу вновь занять пост секретаря цензуры и комитета Общества. Неточно поэтому заключение В. Г. Базанова, что «все

ответственные должности в комитете, избранном на заключительном собрании 1823 года, были распределены между Глинкой, Рылеевым, А. и Н. Бестужевыми, Корниловичем и Никитиным» (*В. Г. Базанов.* Указ. соч., с. 333). Бестужевы были избраны только на должности кандидатов: А. Бестужев — в цензоры прозы, Н. Бестужев — секретаря цензуры и комитета. Разумеется, не следует отрицать влияния на «соревнователей» таких членов цензурного комитета, как Рылеев, Корнилович и другие, но нельзя не учитывать и тот факт, что к услугам Плетнева на 1824 г. Общество прибегло с целью нормализации и упорядочения действий по изданию «Соревнователя» и другим организационным мероприятиям.

33 В 1817—1821 гг. Жуковский работал над переводом «Орлеанской девы» Шиллера. Публичное чтение отрывков из поэмы в Вольном обществе состоялось на заседании 8 июня 1820 г.

34 Шторх Генрих Фридрих (1766—1835) — академик, вице-президент Академии наук. Первые шаги Плетнева на педагогическом поприще были отмечены Шторхом в отзыве императрице Марии Федоровне: «Madam, j'ai trouve un tresor dans notre Institut — c'est mr Pletneff» («Сударыня, я обнаружил сокровище в нашем институте — это г. Плетнев». См.: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым в 3-х т., т. II. СПб., 1896, с. 530). Данное письмо Плетнева к Шторху не обнаружено.

35 По окончании Педагогического института (1814) Плетнев был назначен учителем истории и математики в Екатерининский институт (по запросу начальницы воспитательного общества благородных девиц от 5 мая 1814 г. — ЛОИА, ф. 13, оп. 1, № 1455). Из публикуемого письма ясно, что он преподавал там и географию. Однако просьба Плетнева о месте учителя русской словесности непонятна: по формулярному списку видно, что этот предмет преподавался им в Екатерининском институте уже с 23 мая 1814 г. (ГПБ, ф. 708, № 894, арх. Н. П. Собко). Возможно, в 1814 г. это место было закреплено за ним временно.

36 Обычный тираж издания.

37 В большинстве типографий набор одного печатного листа стоил 27 рублей (см.: *С. Я. Гессен.* Книгоиздатель Александр Пушкин. — Л., с. 22).

38 Сленин Иван Васильевич (1789—1836) — петербургский книгоиздатель. Участвовал в распространении «Стихотворений» В. Л. Пушкина.

39 Ответ на письмо Плетнева от 6 января 1822 г. (Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 382).

40 С 1818 по 1827 г. Плетнев выступал в периодических изданиях не только как критик, но и как поэт.

41 Дороговизна книг препятствовала расширению читательского круга и увеличению тиража изданий.

42 В литературных кругах имя Д. И. Хвостова (1756—1835) было нарицательным для обозначения плодовитого графомана.

43 В 1821 г. Общество «соревнователей» учредило комитет для издания сочинений И. И. Дмитриева, куда вошли Гнедич, Греч, Булгарин и Плетнев. Почетный член Общества Вяземский взялся составить биографию Дмитриева для издания и доставить портрет баснописца работы Сальватора Тончи (1756—1844), известного московского портретиста. Однако и в мае портрет еще не был доставлен (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 102, л. 8 об.). «Сочинения и переводы» И. И. Дмитриева (в 2-х частях) вышли в 1823 г. с приложенными к ним биографией и портретом автора.

44 Речь идет о членах Вольного общества любителей российской словесности.

45 Пушкин Лев Сергеевич (1805—1852).

46 В 1817 г. Вяземский написал статью «О жизни и сочинениях В. А. Озерова», помещенную в первой части сочинений драматурга (СПб., 1817, с. III—XLVI). В 1823 г. он опубликовал «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» при собрании его «Сочинений и переводов» (ч. I. СПб., 1823, с. I—LII). Мемуарно-биографические очерки Плетнев начал писать еще в 1818 г. (Известие об Иване Георгиевском, авторе романа «Евгения», 1818).

47 В марте 1823 г. Плетнев принимает на себя обязанности издателя третьего собрания стихотворений Жуковского (СПб., 1824).

48 М. А. Протасова (р. 1793) умерла 17 марта 1823 г. в Дерпте.

49 Фовицкий Иван Михайлович (р. 1782) — литератор, приятель Вяземского.

50 С августа 1826 г. по июль 1830 г. К. С. Сербинович (1796—1874) был цензором Петербургского цензурного комитета. Первоначально рукопись «Адольфа» проходила через него.

51 В 1831 г. анонимный перевод «Адольфа» был напечатан в «Московском телеграфе» Н. Полевого (1831, ч. 37, № 1, с. 49—75; № 2, с. 203—226; № 3, с. 321—359; № 4, с. 460—495).

52 1200 экз. В письме к Плетневу от 21 апреля 1831 г. Вяземский высказался за «полный завод», полагая, что «разница в издержках должна быть мало значительна» (Известия ОРЯС, 1897, т. 2, кн. 1, с. 96).

53 Плетнев опасался трудностей с продажей книги. Вяземский принял его предложение. Несколько позднее он предлагал Пушкину назначить ту же цену за «Повести Белкина», заметив в письме (5 сентября 1831 г.): «Я и кн. Вяземскому присоветовал продавать „Адольфа“ по 5 р.» (*А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч., т. IV, с. 222).

54 С середины августа до конца 1830 г. Вяземский жил в Остафьево в связи с эпидемией холеры.

55 Летние месяцы Плетнев обычно проводил на даче Кушелева близ Лесного института. Вяземский почти весь 1831 г. провел в Москве, где был занят по службе устройством промышленной выставки.

56 См. письмо Вяземского к Плетневу от 13 сентября 1831 г. из Москвы (Известия ОРЯС, 1897, т. 2, кн. 1, с. 97).

57 Смирдин Александр Филиппович (1795—1857) — издатель и книгопродавец. 19 февраля 1831 г. состоялось торжественное открытие его библиотеки.

58 Салаев Иван Григорьевич (?—1858) — книгоиздатель и книгопродавец. Принимал самое деятельное участие в работе Вяземского над

«Фонвизиным». См.: Новонайденный автограф Пушкина, с. 65—67, 126—127.

59 После смерти Дельвига Пушкин предпринял издание «Северных цветов» в пользу его малолетних братьев, однако ожидаемой выручки издание не принесло. См. об этом: *В. Э. Вацуро.* «Северные цветы». История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978, с. 248—250.

60 В 1831 г. Жуковский написал гекзаметром «Суд божий», «Две были и еще одна», «Сказку о царе Берендее» и др.

61 Прянишников Федор Иванович (1784?—1867) — государственный деятель, вице-президент Общества поощрения художников, приятель А. И. Тургенева, Жуковского, Вяземского, Плетнева.

62 В 1838 г., получив служебный отпуск, Вяземский выехал за границу для лечения глаз.

63 В 1838 г. Ф. И. Тютчев (1803—1873) состоял при русской дипломатической миссии в Турине.

64 Со второй половины октября 1838 г. до конца марта 1839 г. Гоголь жил безвыездно в Риме.

65 С мая 1838 г. по июнь 1839 г. Жуковский путешествовал с наследником (будущим императором Александром II) по Европе.

66 В литературные круги Петербурга Плетнев был введен благодаря знакомству с А. И. Тургеневым (с 1815 г.). См.: Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 565.

67 Летом 1841 г. Плетнев гостил в Гельсингфорсе у своего приятеля Я. К. Грота (1812—1893), профессора Гельсингфорского университета (1840—1852), с 1856 г. академика.

68 С 1841 г. в «Современнике» печаталась «Хроника русского в Германии» А. И. Тургенева.

69 Просьбу отослать письма Тургенева через две недели в Москву передал Плетневу Вяземский (см.: Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 393).

70 Путятин Михаил Петрович (1781?—1845) — петербургский приятель А. И. Тургенева.

71 В Симбирске жил двоюродный брат Тургенева Иван Семенович Аржевитинов (ум. 1848). См. письмо Тургенева к Плетневу от 11 мая 1840 г. — ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, № 664, л. 3.

72 Рейтерн Елизавета Алексеевна (1820—1856) — с 21 мая 1841 г. жена Жуковского.

73 Поэма Тегнера в переводе Я. К. Грота. См. письмо Тургенева к Плетневу от 10 июля 1841 г. — ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, № 664, л. 5.

74 Эта часть письма опубликована В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсоном в книге «Новонайденный автограф Пушкина», с. 107—108.

75 Глинка Сергей Николаевич (1775—1847) — литератор, брат Ф. Н. Глинки. В 1840-е годы печатался в «Современнике» Плетнева. О какой просьбе идет речь, неизвестно.

76 Дочь Николая I (1819—1876), с 1839 г. жена герцога Максимилиана Лейхтенбергского (1817—1852). С 1826 г., по рекомендации Жуковского, Плетнев преподавал ей русский язык и словесность.

77 Речь идет о «Хронике русского».

78 В 38-м томе «Современника» за 1845 г. Плетнев поместил статью о «Тарантасе» В. А. Соллогуба (1813—1882), с. 197—247.

79 К оценке творчества Кантемира Вяземский обращался в 1820-е годы в статье «Сочинения в прозе Жуковского» (Московский телеграф, 1826, ч. 12, отд. 1, с. 176). М. И. Гиллельсон в монографии о Вяземском указал на «записку о Кантемире с изложением мнения Вяземского в пользу издания его сочинений», относящуюся по времени к 1850-м годам, когда Вяземский был членом Главного управления цензуры (а с 1856 г. возглавлял его). См.: *М. И. Гиллельсон.* П. А. Вяземский..., с. 340.

80 Переписка Фонвизина была помещена Вяземским в Приложении к монографии (СПб., 1848, с. 337—391). Среди корреспондентов Фонвизина — А. Мусин-Пушкин, кн. Н. Репнин, Н. Хотинский, А. Обресков, А. Сумароков, гр. Остерман и др.

81 Корсаков Петр Александрович (1790—1844) — писатель, журналист, переводчик. С 1835 г. — цензор Петербургского цензурного комитета. 14—15 февраля 1836 г. он подписал рукопись Вяземского к печати.

82 История цензурования рукописи А. В. Никитенко (1804—1877) изложена в книге «Новонайденный автограф Пушкина» (с. 110—111).

83 Плетнев выполнил просьбу Вяземского: на автографе письма Вяземского есть его приписка: «П‹олучено› и послано Ивановскому 31.3.1847».

84 Книга Вяземского первоначально носила название «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фон-Визине»; в печатном издании была названа: «Фон-Визин. Сочинение князя Петра Вяземского». Из письма № 17 выясняется, что новое название было предложено Плетневым.

85 О написании фамилии «Фонвизин» Пушкин писал брату в ноябре 1824 г.: «Не забудь *Фон-Визина* писать *Фонвизин.* Что он за нехристь? он русский, из перерусских русский» (*А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч., т. XIII, с. 12). Это написание сохранено в 1-й главе «Евгения Онегина», в издании которой участвовал Плетнев, и мнение Пушкина, конечно, было ему известно; оно отразилось в орфографических рекомендациях Плетнева Вяземскому. В XVIII в. фамилия «Фонвизин» писалась через дефис (Фон-Визин); такое написание принято и у Вяземского; оно отразилось и в поздних пушкинских транскрипциях фамилии сатирика.

86 Известные «Записки» Ф. Ф. Вигеля (1786—1856) были опубликованы много позднее, в 1864—1865 гг. (наиболее полное издание — 1891—1893 гг.).

87 Речь идет о статье Вяземского «О Сергее Николаевиче Глинке», опубликованной в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1847, 4—5 декабря, №№ 277, 278).

88 Речь идет о стихе из монолога Дмитрия Донского из одноименной трагедии В. А. Озерова (1769—1816): «О дерзостный посол надменнейшего хана!» В ответном письме от 30 ноября 1847 г. Плетнев уведомлял: «Стих Озерова я поправил» (Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 397).

89 Автобиографическое предуведомление к «Фонвизину» было помещено в отдельном издании книги (с. I—V).

90 В. А. Соллогуб читал на вечере у Вяземского драму «Местничество» (издана в СПб., 1849). Впечатления от драмы Плетнев высказал в письме к Гроту от 17 марта 1848 г.: «Много верного исторически. Недостатки в излишней эффектности и неопределенности направления, как это было и в „Тарантасе“» (Пе-

переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, с. 204).

91 В 1848 г. Вяземский готовил к печати брошюру «Святая Русь». Цензурное разрешение было подписано С. Куторгой 19 мая 1848 г.

92 Очкин Амплий Николаевич (1791—1865) — цензор, писатель, переводчик.

93 Имеется в виду стихотворение «Волшебная обитель». В письме от 14 июня 1846 г. Плетнев дал подробный разбор его (Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 397—399). Замечания Плетнева были учтены Вяземским.

94 См. это письмо Жуковского в кн.: Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 689—690.

95 8 февраля 1819 г. состоялось официальное открытие Петербургского университета.

96 С запрещенных цензурой статей Жуковского Плетнев сделал, по просьбе поэта, копии, а оригинал отправил его племяннице А. П. Елагиной (1789—1877), рожд. Юшковой. См. переписку Плетнева и Жуковского по этому вопросу: Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 670—688.

97 Цитата из Псалтыри.

98 Имеются в виду европейские революции 1848 г.

99 Юбилей Д. Н. Блудова (1785—1864) отмечался 8 января 1851 г. Вяземский откликнулся на него стихами «Послание к гр. Блудову». Уваров Сергей Семенович (1786—1855) — президент Академии наук, некогда сочлен Вяземского по Арзамасу.

100 Арзамасское прозвище Блудова.

101 Плетнева Александра Васильевна, рожд. кн. Щетинина (1826—1901).

102 Пущина Варвара Николаевна, рожд. Головина (?—1852), в первом браке кн. Щетинина, теща Плетнева.

103 См. письмо Жуковского от 18 апреля 1851 г. — Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 692—694.

104 Император Николай I (1796—1855) и императрица Александра Федоровна (1798—1860).

105 Со времени отъезда Жуковского за границу умерли их общие друзья: Н. М. Языков (1843), Е. А. Баратынский (1844), А. И. Тургенев (1845).

106 Весной 1850 г. Вяземский предпринял путешествие из Константинополя в Иерусалим с целью поклонения христианским святыням. Впоследствии он описал его в книге «Путешествия на Восток» (СПб., 1883).

107 В 1851 г. в Карлсруэ в типографии Рейфа вышло «Полное собрание сочинений в стихах и прозе» Жуковского.

108 См. письмо Жуковского от 9/21 мая 1851 г.— Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 694—695.

109 Е. А. Жуковская страдала тяжелым душевным заболеванием.

110 Александра Васильевна Жуковская (1842—1899), Павел Васильевич Жуковский (1845—1912).

111 Перовский Василий Алексеевич (1795—1857) — близкий знакомый Жуковского (с 1818 г.); в 1833—1842 — оренбургский военный губернатор, с 1851 г. — оренбургский и самарский генерал-губернатор.

112 Вяземский Павел Петрович (1820—1888) в эти годы жил в Константинополе, где служил секретарем русского посольства. Женат на Марии Аркадьевне Бек (рожд. Столыпиной).

113 В письме к Я. К. Гроту от 18 августа 1851 г. Плетнев писал, что причиной отъезда Соллогуба на Кавказ были долги. М. С. Воронцов (1782—1856), князь, наместник Кавказа, предоставил ему временно попечительское место в Тифлисе (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, с. 553).

114 Софья Михайлона Виельгорская (1820—1878), с 1840 г. жена В. А. Соллогуба.

115 Смирнова Александра Осиповна (1809—1882), рожд. Россет, приятельница писателей пушкинского круга. С 1832 г. замужем за Н. М. Смирновым (1807—1870).

116 Подмосковное имение Н. М. Смирнова Спасское.

117 Во время пребывания Смирновых в Калуге у Николая Михайловича начались служебные неприятности, вследствие которых он вынужден был оставить губернаторское кресло. Сама А. О. Смирнова называла сложную и крайне тяжелую для семьи историю «Ершовиадой». Вот как комментировал ее Плетнев: «Александра Осиповна Смирнова в Калуге. Ее брат Осип женился на воспитаннице какого-то Ершова, который сперва укрепил за нею недвижимое имение свое, а после подал жалобу, будто акт насильно от него вытребовали. Он просит суда на губернатора Смирнова. Послали для разбора дела сенатора кн. Давыдова. Можно себе сообразить те приятные ощущения, которые испытывает от всего этого больная Александра Осиповна» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, с. 396). Дело закончилось только в 1851 г. в пользу Н. М. Смирнова, но стоило семье немало хлопот и душевных сил. См. об этом в кн.: *А. О. Смирнова.* Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929, с. 130—131, 402—403. Давыдов Сергей Иванович (1790—1878) — князь, в 1845—1852 гг. был сенатором; в 1852—1863 — вице-президент Академии наук.

118 Семья известного мецената, музыкального деятеля, композитора М. Ю. Виельгорского (1788—1856). Дом Виельгорских был одним из центров петербургской музыкальной жизни. Виельгорский был близок с Карамзиным, Жуковским, Пушкиным и другими литераторами.

119 Лонгинов Николай Михайлович (1775—1853) — статс-секретарь по учреждениям имп. Марии Федоровны, член гос. совета, сенатор, отец известного библиографа М. Н. Лонгинова (1823—1875).

120 Принц Ольденбургский Петр Георгиевич (1812—1881) — член гос. совета, председатель Департамента гражданских и духовных дел.

121 1852—1854 гг. Вяземский провел за границей, лечась от тяжелого нервного заболевания.

122 Шевырев Степан Петрович (1806—1864) — писатель, критик, историк литературы, с 1834 г. — профессор Московского университета. Жил в Москве.

123 Речь идет о брошюре Вяземского «Святая Русь» (СПб., 1848).

124 Крашенинников Петр Иванович (1820—1863) — издатель и книгопродавец.

125 Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792—1870) — генерал от инфантерии. В 1852 г. ему было вверено управление Министерством внутренних дел.

126 «Матросская песня» была опубликована в полном собрании сочинений Вяземского (СПб., 1887, с. 117—119). «Тройка» была написана в 1834 г. и опубликована в сборнике Смирдина «Новоселье» (ч. II, с. 244). Стихи «Андрею Карамзину» (сыну писателя, 1816—1888) напечатаны в «Северной пчеле» (1854, № 107, 13 мая).

127 12 апреля 1852 г. умер Жуковский, 15 октября 1852 г. — дочь Плетнева от первого брака Ольга (в зам. Лакиер).

128 1 августа 1852 г. родился первый сын Плетнева Александр (ум. 1911). 10 октября 1852 г. Ольга Лакиер (р. 1830) родила сына, названного в честь деда Петром. Внук воспитывался в семье Плетнева.

129 21 февраля 1854 г. родился второй сын Плетнева Алексей, впоследствии беллетрист, критик.

130 Корф Федор Федорович (?—1853), редактор «Русского инвалида» (с 1848 г.). Знакомство с ним Плетнева относится к 1840-м годам.

131 Монпелье — город на юге Франции, недалеко от Средиземного моря.

132 Соболев — по-видимому, комиссионер Вяземского в Петербурге.

133 Письмо Вяземского, о котором говорит Плетнев, не обнаружено.

134 Любимов Николай Иванович (1808—1875) — знакомый писателей пушкинского круга.

135 См. прим. 107.

136 В 1853 г. Е. А. Жуковская переехала в Петербург, а затем поселилась в Москве.

137 Анненков Иван Васильевич (1814—1887) — генерал-адъютант. Служил в полку П. П. Ланского, второго мужа Н. Н. Пушкиной. 12 марта 1851 г. он вместе с братом Павлом Васильевичем Анненковым (1813—1887) подписал договор с Н. Н. Ланской об издании сочинений Пушкина. См. об этом в кн.: *Б. Л. Модзалевский.* Пушкин. Л., 1927, с. 282—287.

138 О работе П. В. Анненкова над биографией Пушкина см.: *Б. Л. Модзалевский.* Указ. соч., с. 275—396.

139 Л. С. Пушкин умер 19 июля 1852 г.

140 Памятник И. И. Крылову работы П. Клодта был поставлен в 1855 г.

141 Первое посмертное издание сочинений Гоголя вышло в шести томах в Москве (1855—1856).

142 Жена Вяземского (1790—1886).

143 См. статью Плетнева «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского» (Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 60—148).

144 С 1841 г. Жуковский жил за границей, в Германии.

145 «Русский инвалид» — военная газета (1813—1917). В этот период выходит под редакцией Н. С. Голицына и П. С. Лебедева. «Северная пчела» — политическая и литературная газета, в 1831—1859 гг. издается Гречем и Булгариным.

146 См. прим. 130.

147 Вероятно, речь идет о стихотворении «Современные заметки», включенном в сборник «К ружью!» (СПб., 1854, с. 19—24).

148 Впоследствии император Александр II (1818—1881).

149 Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — библиофил и библиограф, соученик Л. С. Пушкина по Благородному пансиону при Петербургском университете. В «Северной пчеле» (1854, № 37, 15 февраля) были помещены его стихи «На нынешнюю войну», написанные в казенно-патриотическом духе.

150 «Клермонтский собор» А. Н. Майкова (1821—1897) был опубликован в сборнике поэта «1854-й год» (СПб., 1854, с. 10—20).

151 В «Современнике» на 1854 г. (т. XIV, № 3, с. 3—58) Н. А. Некрасовым (1821—1878) и И. И. Панаевым (1812—1862) были помещены стихи Тютчева.

152 Крымская война 1853—1856 гг. Этот и некоторые другие отзывы о Тютчеве из неопубликованных писем Плетнева см.: *А. Л. Осповат.* Как слово наше отзовется... М., 1980, с. 42.

153 См. прим. 129.

154 В опубликованном варианте Вяземский так и поступил, согласившись с поправкой Тютчева. О творческих взаимоотношениях поэтов см.: *Д. Д. Благой.* От Кантемира до наших дней, т. I. М., 1972, с. 387—416.

155 Трей Яков Иванович, типограф.

156 Стихотворение «Не помните?» было напечатано в «Москвитянине» (1854, № 8, с. 186).

157 Плетнев был искренен, когда отмечал патриотизм народа в Крымской войне. Поражение России больно отозвалось в сердцах русских патриотов и поколебало симпатии к правительству: «Как это случилось, что мы, не уступивши великому человеку, согнулись перед маленьким? Не оттого ли, что у неприятелей наших в нынешний раз больше было национального единства, нежели тогда?» (Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 431). Дипломатично не сомневаясь в возможностях правительства, Плетнев тщетно силился отыскать ответ на вопрос, почему могучие силы русской нации остались неразвитыми, а государство оказалось отсталым сравнительно с западными державами. В 1858 г. Плетнев участвовал в издании «Портретов лиц, отличившихся заслугами в 1853—1856 годах». На печатном проспекте издания, сохранившемся в архиве писателя, остались его карандашные заметки (ИРЛИ, ф. 234, оп. 1, № 163).

158 12 июля 1854 г. Вяземскому исполнилось 62 года.

159 Докучаев Николай Михайлович — чиновник при русской миссии в Штутгарте. В «Санкт-Петербургских ведомостях» (1852, № 95, 29 апреля) была опубликована его статья «Последние дни жизни и погребения В. А. Жуковского». О каких стихах Докучаева идет речь, неизвестно.

160 Бередников Яков Иванович (1793—1854) — ординарный академик, главный редактор трудов Археографической комиссии. В «Известиях имп. Академии наук» Плетнев поместил записку о нем (1854, т. 3, с. 322—352).

161 Попытки Плетнева подвигнуть Вяземского к написанию целостных мемуаров оказались безуспешными.

162 Л. Н. Толстой читал у Вяземского «Метель».

163 Зонтаг Анна Петровна (1786—1864), рожд. Юшкова, племянница Жуковского, детская писательница.

164 «Пять стихотворений» Вяземского были изданы в Петербурге в 1858 г.

165 Возможно, речь идет о П. Л. Давыдове, действительном статском советнике, камергере.

166 2 сентября 1839 г. Вяземский был избран действительным членом Российской Академии наук; в 1841 г. назначен ординарным академиком по отделению русского языка и словесности.

167 А. Ф. Писемский (1821—1881) читал свою драму «Горькая судьбина», высоко оцененную Плетневым. См.: *П. А. Плетнев*. Отзыв о драмах «Горькая судьбина» и «Гроза». — В кн.: Отчет о четвертом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1860, с. 30—41.

168 Давыдов С. И. — см. прим. 117.

169 Веселовский Константин Степанович (1819—1901) — академик, статистик, экономист, непременный секретарь Академии наук.

170 Купфер Адольф Яковлевич (1799—1865) — физик, с 1828 г. член Академии наук по минералогии, с 1840 — по физике.

171 Остроградский Михаил Васильевич (1801—1861) — известный геометр, с 1830 г. ординарный академик.

172 Буняковский Виктор Яковлевич (1804—1889) — математик, с 1864 г. вице-президент Академии наук.

173 Востоков Александр Христофорович (1781—1864) — филолог-славист, поэт, с 1841 г. — академик.

174 Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк, писатель, журналист, с 1841 г. — академик.

175 Устрялов Николай Герасимович (1805—1870) — историк, профессор Петербургского университета, с 1837 г. — член Академии наук.

176 Якоби Борис Семенович (1801—1874) — физик, изобретатель в области электротехники, с 1847 г. академик.

177 Броссе Марий Иванович (1802—1880) — ориенталист-лингвист, историк, с 1838 г. академик.

178 Фричше (Фритцше) Юлий Федорович (1808—1871) — химик и натуралист, с 1852 г. академик.

179 Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — филолог-славист, с 1854 г. — ординарный академик.

180 Чебышев Пафнутий Львович (1821—1894) — математик и механик, с 1859 г. ординарный академик.

181 Куник Аристарх Аристархович (1814—1899) — историк, филолог, этнограф, нумизмат, с 1850 г. экстраординарный академик.

182 Перевощиков Дмитрий Матвеевич (1788—1880) — астроном и математик, с 1855 г. академик.

183 Железнов Николай Иванович (1816—1877) — ботаник и агроном, с 1857 г. академик.

184 Дубровский Петр Павлович (1812—1882) — славист, профессор польского языка в Петербургском университете, экстраординарный академик.

185 Кокшаров Николай Иванович (1818—1892) — минеролог, с 1866 г. ординарный академик.

186 Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович (1830—1904) — историк-востоковед, лингвист, археолог, с 1861 г. академик.

187 Билярский Петр Спиридонович (1819—1867) — языковед, славист, с 1863 г. академик.

188 См. письмо Вяземского Плетневу от 22 апреля/4 мая 1864 г. из Венеции (Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 496).

189 Paris de Marnes, près ville d'Acray, maison Soiseau-Censier.

190 Катулл Гай Валерий (87 или 84 до н. э.— после 54 до н. э.) — римский поэт.

191 Имеется в виду «Словарь Академии Российской» (в 6-ти ч. СПб., 1789—1794).

192 Нелатон — врач Плетнева в Париже.

193 Мера́но — климатический курорт на севере Италии.

194 Крейцнах — климатический курорт в Пруссии.

195 Титов Владимир Павлович (р. 1807) — дипломат, посланник в Штутгарте, воспитатель вел. князей. Вяземский посвятил ему ряд стихов.

196 Вел. кн. Ольга Николаевна (1822—1892) — дочь Николая I. С 1846 г. замужем за вюртембергским наследным принцем, впоследствии королем Карлом I.

197 См.: *П. А. Вяземский*. Избранные стихотворения. М.—Л., 1935, с. 338—339.

198 Там же, с. 338.

199 Стихотворение «12 июля 1854 г.» написано в день рождения Вяземского, после перенесенной им тяжелой болезни. Опубликовано в полном собрании сочинений Вяземского (т. 11. СПб., 1887, с. 130—133).